

Наталья
Мерсова

Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа

Избранное.
Публицистика, эссе

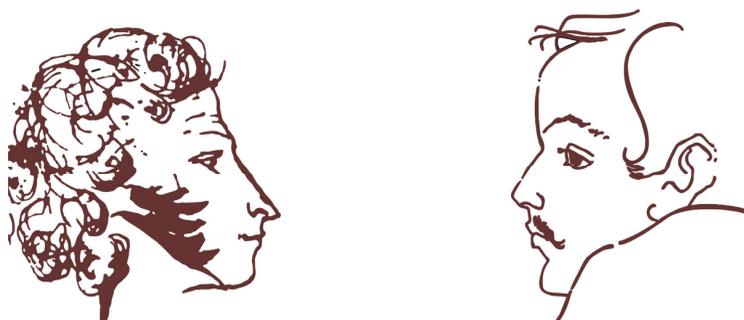
...и являя самым жестоким нравом,
да не в шутку задружил,
Он в "Кавказский миф" стовны наираб
И книгу новую купил.
Его пример другим научка;
Завел потомкаид: деткам, внукам
Чтоб соборится злой тоски напаст
Читаите Ничономову власть!

Наталья Морсова

Пушкин. Лермонтов.

Невольники дерзновенного духа

Избранное. Публицистика, эссе

Москва 2024

УДК 82-4
ББК 84(2Рос=Рус)6
М 80

Морсова Н.Е. **Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа.** *Избранное. Публицистика, эссе.* Издание 2-е, дополненное. — М.: НИЯУ МИФИ, 2024. — 132 с.

Литературно-художественное собрание произведений «Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа», как и все предшествующие книги автора, повествуют о важных для России событиях, о людях, чей труд и творчество созидательны.

Русский человек из покон веков мечтает вырваться из тесного мира убожества и скудости души, к Божьей правде, к высокой цели, ищет истину и справедливость. Александр Сергеевич Пушкин и Михаил Юрьевич Лермонтов — скрепы народного духа, они искупают и исцеляют наш греховный мир, они на знамёнах наших духовных побед, на страже русского литературного языка и чистого русского слова. Их дерзновенному духу, парящему над бездной, посвящается эта книга.

ISBN 978-5-7262-30-45-0

© Н.Е. Морсова, 2021

namorsova@yandex.ru

Картинки из открытых источников Яндекс

Оригинал-макет подготовлен С.В. Тялиной

Подписано в печать 25.03.2024. Формат 60х84 1/16.

Уч.-изд.л. 8,25. Печ. л. 8,25. Тираж 500 экз.

Типография НИЯУ МИФИ. 115409, Москва, Каширское ш., 31

*О ценности русского слова и любви к Родине.
Не развлечь, а просветить...*

*О книге Натальи Морсовой
«Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа»*

Устанавливая доверительный стиль общения с читателем, автор, тем не менее, ставит своей задачей не развлечь, а просветить читателя. Ее профессионализм не вызывает сомнений. Наталья Морсова — журналист, педагог, исследователь творчества русских классиков, кандидат исторических наук. Ей есть что сказать. Авторская речь течет свободно и плавно, полная стилистических приемов и фигур речи, но мы этого как бы не замечаем, ведь предмет обсуждения столь интересен!

Пушкин и Лермонтов. Два великих поэта. Два мира, без которых немислима русская поэзия. Как получилось, что оба гения были убиты на дуэли? Были ли они знакомы при жизни? Как относились к творчеству друг друга? На эти вопросы подробно отвечает историк и журналист Наталья Морсова. Противопоставляя судьбы двух гениев (первая часть книги посвящена Пушкину, вторая — Лермонтову), автор в итоге объективного исследования все же приходит к грустному выводу: «...оба они, избранные небесами на стремительный, но прерванный на излете полет и на закляние — заложники исполненного духа и гениальности; гениальность держала их на сладостном, коротком поводке — от мук поэтического труда до всенародной славы, — и удушающе крепко сжимала в своих безжалостных объятиях».

Публицистический текст призван анализировать жизненные ситуации, ставить вопросы и давать на них однозначные ответы, тем самым формируя читательское мнение. Жанр эссе, в свою очередь, предполагает личностный подход к раскрытию темы, транслируя авторский взгляд на конкретные вопросы и не претендуя на объективность. В этом смысле сборник очерков и эссе Натальи Морсовой представляет собой результат взаимодействия двух начал: с документальной точностью она реставрирует события, дополняя текст фотоиллюстрациями, и доносит до нас свою точку зрения, используя

деликатные, но однозначные формулировки, не допускающие ни малейшего оттенка двусмысленности.

Описывая историю создания стихотворения «Памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), автор с горечью признает: знаменитое произведение появилось на свет, когда Пушкин находился в тяжелой жизненной ситуации. Он говорит о недопустимости поэта изменять ниспосланному ему свыше дару пророчества. О том, что предназначение поэта — говорить правду, какой бы неприглядной она ни была. Правду — в самом высоком, библейском значении этого слова. А в это время «доброхоты» склоняли фамилию поэта на разные лады — мол, рогоносец... Он будто бы кричит в пустоту — о бесстрашии, о жертвенном служении истине, о том, что поэт не имеет права жалеть себя. А за его спиной шушукуются. Ползут безобразные сплетни про Наталью Николаевну. Интриганы так и ждут — когда же терпению поэта придет конец? Пушкин слишком велик, чтобы его можно было уничтожить давлением «общественного мнения», но, зная его слабое место — безумную влюбленность в супругу, — можно довести его до отчаяния. Медленно, но надежно — подбрасывая гнусные анонимки, распуская отвратительные слухи...

Авторская речь течет свободно и плавно, полная стилистических приемов и фигур речи, но мы этого как бы не замечаем, ведь предмет обсуждения столь интересен! Идет ли речь об истории образа Бабы Яги в русских сказках или, как в очерке «Мышиная возня у подножья памятника Александра Пушкина», о «критике», призванной смешать с грязью имя поэта, автор отстаивает свою позицию. Она выступает за вечные ценности, которые у русского человека никому не отнять. И не просто на словах декларирует, но готова вступить — как за Пушкина-человека, который уже не в силах ответить лично критикану, так и — не меньше! — за великое русское слово. Горячо реагируя на т. н. «критику» в адрес поэта, она возмущается: «Прошло 225 лет со дня его рождения. В горниле истории давно истлело «грязное белье» Александра Сергеевича. Потомкам осталось богатое наследие — могучее СЛОВО русского гения. Давайте будем наслаждаться лучшими творениями Пушкина — поэта!».

Существует мнение, что эссе — легкий жанр, а стало быть, пишущему можно не утруждать себя сложностью формулировок. Вот только просто — не значит примитивно. Просто — это доступно,

образно и вместе с тем — глубоко серьезно. К примеру, рассуждая о влиянии творчества А.С. Пушкина на русскую музыку в эссе «Пушкин и Глинка», Наталья Морсова подробно рассказывает о жизни и творчестве композитора, о его знакомстве и дружбе с поэтом, а потом подводит итог: «Имена двух гениев — Пушкина и Глинки — неразрывно связаны между собой. Что их объединяет? Оба они горячо продвигали русскую национальную культуру, отчего имели много врагов. Наперекор неразвитому у соотечественников чувства Родины, они прививали любовь к Отечеству, веру в русский народ. Их дружба — созидательная — длилась десять лет, а в творчестве своем они сплелись на века». И снова — о ценности русского слова и любви к Родине. Собственно, и книга об этом. О том, что во все времена великие поэты подвергались гонениям. И о том, что если мы хотим оставаться русскими не только по паспорту, мы не имеем права забывать, что для нашей истории и культуры означают эти великие имена.

Что же касается Михаила Лермонтова, то Пушкин был его кумиром. Удивительно, что они с Пушкиным состояли в дальнем родстве, хотя Лермонтов этого не осознавал. О Лермонтове автор пишет не только с почтением, но и с горечью, поскольку судьба молодого поэта складывалась весьма драматично. Сравнивая судьбы Пушкина и Лермонтова, нельзя не отметить, что последнему «повезло» гораздо меньше: не было у него ни влиятельных друзей, ни красавиц-жены. Один, всю жизнь один... Если Пушкину удалось при жизни вкусить и читательского успеха, то Лермонтову и этого не довелось, а после смерти многие стихотворения были утеряны... Обо всем этом Наталья Морсова рассказывает с беспристрастностью историка и с почтением, свойственным ее высокой нравственной и гражданской позиции.

Что подвело поэта к роковому шагу? Можно ли было избежать конфликта? Анализируя причины этой дуэли, Наталья Морсова резюмирует: «Стала ли безобидная шутка причиной дуэли? Конечно, нет. Над Мартыновым посмеивались многие, считали его глупым, хоть и хорошо образованным, трусливым и бесталанным. В образе Грушницкого, убитого на дуэли, все увидели до невероятности схожего сослуживца. Завистливый и заносчивый Мартынов давно затаил обиду на Лермонтова, решил — не дать поэту дожить до всемирной славы и погубить на дуэли». Это правда, но... всего лишь часть

правды. Личная, так сказать, индивидуальная, когда взаимная неприязнь переходит в открытый конфликт. Наталья Морсова приводит на страницах данной книги более смелую, однако имеющую под собой все основания версию — Михаил Лермонтов стал жертвой спланированного преступления: «Сбивчивые показания защитников Мартынова и самого Н.С. Мартынова указывают на то, что истинную подоплеку дуэли они знали, но скрывали. Может быть, Мартынов оказался удобным орудием исполнения чужой воли?..». Хотите верьте, хотите — нет, но факты вопиют. Будто бы все предвещало: Лермонтову предстоит повторить трагическую судьбу Пушкина...

Тема «последней дуэли» красной нитью проходит через эту книгу. В разных контекстах то Пушкин, то Лермонтов в этой книге предстают как фигуры драматические, заранее обреченные на гибель. И — недостижимые. Мелкие интриганы давно канули в Лету, а творчество двух гениев не меркнет и сегодня. Их произведения вошли в школьную программу. Их стихотворениями признаются в любви. Одни читатели говорят, что больше любят Пушкина, другие предпочитают Лермонтова. Неоспоримо одно: «Оба они — родоначальники современного русского литературного языка, высокой его культуры и тонкого вкуса, совершенного поэтического обрамления литературного слова. Бесстрашные радетели русской культуры в битвах на крутых изломах судьбы боролись со всем тем, что душило их пламенные сердца и великие помыслы, литературным трудом они воздвигли себе нерукотворный памятник».

Ольга ЕФИМОВА

*Поэт, прозаик, литературный критик,
член Союза писателей XXI века*

Февраль 2024 год

К читателю

Книга Натальи Морсовой «Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа» представляет собой сборник очерков и эссе о жизни и творчестве величайших столпов русской литературы и основана на воспоминаниях современников. Часть 1 — «Пушкин. В удушающих объятиях гениальности» — к 225-летию со дня рождения. 2 — «Лермонтов. За маской мятежного "мцыри"» — к 210-летию поэта. Воспоминания современников носят субъективный характер, порой — совершенно противоречивые. И этому есть объяснение. Многочисленные современники Александра Сергеевича писали свои воспоминания сразу после его смерти, и потому мемуары эмоциональные, живые, трогательные, с пониманием большой потери для России, — им никто не препятствовал; сразу началось издание неопубликованных произведений поэта. Правда, были и другие: — Пушкин исписался, засаривает Парнас хламом мелких орифмованных блестяшек, Пушкин надоед, — завистники торопили поэта освободить место на литературном Олимпе. С Лермонтовым всё иначе — наложенный царём запрет — никогда и нигде не упоминать его имя, якобы, «собаке — собачья смерть», изменённое потом на «туда ему и дорога» (в пересказе князя Васильчикова со слов его отца — канцлера Российской империи — приближённого к царю персоны) — указ действовал отрезвляюще. Во избежание опалы, книги поэта, письма, рукописи, рисунки торопились сжечь в печах. Первые скромные исследования о жизни и творчестве Михаила Юрьевича увидят свет через четверть века, после смерти Николая I. Тогда станут известны некоторые подробности жизни и творчества поэта. Воспоминания из 70–80 годов XIX — скудные, мало эмоциональные, всё ещё с оглядкой на цензуру.

Наибольший интерес для автора представляет сборник «М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников», изданный в 1964 году под редакцией М.И. Гиллельсона и В.А. Мануйлова, а также собрание мемуаров под редакцией Арнольда Ильича Гессена «Набережная Мойки, 12», третье дополненное издание от 1964 года, и другие.

Автор не ставит целью — изучение литературного наследия; читатель познакомится с воспоминаниями современников о семейных отношениях, особенностях характера, положении в обществе, мировоззрении, душевных переживаниях, эмоциональном и психологическом состоянии Пушкина — в последние полгода с момента получения презренного пасквиля и написания стихотворения «Я памятник воздвиг...», и Лермонтова — за два последних дня до дуэли — с момента ссоры с Мартыновым, хронология самой дуэли, показания убийцы поэта и секундантов. В результате исследования мемуаров автор представит своё видение темы.

По жизни они плавали под разными парусами, но в бездну рухнули одинаково. Один был желанным гостем в высоких светских кругах, любимцем публики, вокруг него толпились почитатели, — другой свою короткую жизнь — неполные 27 лет — проведёт в казармах, гвардейских и армейских учениях, в боях на Кавказе. За одного заступались влиятельные друзья Жуковский, Карамзин, Вяземский, — знатные покровители за Пушкина стояли горой. — За другого — никто из них.

Почему? Безобидный для родовых дворянских семей Пушкин был не опасен, — он писал о них без порицания и сожаления, а необузданного в страстях Лермонтова побаивались, в нём видели избалованного отпрыска знаменитой фамилии Столыпиных; им интересовались, восхищались, но близко не подпускали. Его ассоциировали с образом непредсказуемого, коварного «Демона» — сброшенного с небес разочарованного ангела, ставшего олицетворением вселенского зла; невольник дерзновенного духа не принят нигде — ни на небе, ни на земле, — он везде лишний.

Один, гонимый из столицы, — в родовое имение, в Бессарабию, Крым на должности архивариуса или библиотекаря с хорошим жалованием, возвращался победителем, другой гонимый, проводил ссылки на Кавказе в ожесточённых боях с горцами, там и погиб.

Один не раз бывал во Дворце, вёл беседы с Николаем I, получил от него допуск к архивам, благословение на брак с Натальей Гончаровой, бывал с красавицей — женой на придворных балах,

император стал его личным цензором, — другой, — дерзкий, непонятый обществом, душевно одинокий, рано узнал царский гнев и «царскую любовь». Да и было за что не любить поэта: — в 1830 году до царя дошло наводящее ужас пророческое стихотворение «Предсказание»:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...*

Пушкин успел в полной мере вкусить всенародную славу, — ещё в лице к нему явилась обманная искусительница — муза; слава Лермонтова — запрещённая, выстраданная, израненная, с боями прокладывала себе дорогу, — станет достоянием России только через полвека, когда раскиданные по рукам и издательствам сохранившиеся произведения обретут вид полного собрания сочинений и познакомят пытливого читателя с мало известным русским поэтом.

Произведения Пушкина высоко ценились при жизни. Лермонтова не считали гением, и не только современники, — над его сочинениями посмеивались за, якобы, ложную мечтательность, неглубинность идей, однообразие тем, имея ввиду схожесть характеров Демона и Печорина, за подражательность Пушкину — стихи о Москве, «Узник» и др. Как тут не вспомнить И.В. Белинского: — «Львиная натура, страшный и могучий дух!.. Огненная душа, демонский полёт, исполинский дух... Мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина!». А.И. Герцен увидит в Лермонтове дух, равный духу Ивана Великого. А следом Лев Николаевич Толстой скажет: — «Если бы этот мальчик остался жить, не нужны были бы ни я, ни Достоевский».

Почему имена Александра Пушкина и Михаила Лермонтова стоят в одном ряду на вершине русского Парнаса? Между ними есть то общее, что невозможно переоценить.

— Драгоценные самородки самого высокого достоинства оставили на русской земле величайшее литературное наследие.

Колыбель русской литературы взрастила Александра Пушкина, в лоне её зародился талант Михаила Лермонтова, — «заря» и «солнце» русской литературы. Творчество их — созидательное, народное, сплелось воедино и на века. Оба они горячо продвигали русскую национальную культуру. Наперекор неразвитому у соотечественников чувства Родины, прививали любовь к Отечеству, веру в достойное будущее русского народа, не по своей воле задавленного нуждой и горем.

Оба они — родоначальники современного русского литературного языка, высокой его культуры и тонкого вкуса, совершенного поэтического обрамления литературного слова. Бесстрашные радетели русской культуры в битвах на крутых изломах судьбы боролись со всем тем, что душило их пламенные сердца и великие помыслы, литературным трудом они воздвигли себе нерукотворный памятник.

Они, мыслители — философы, возлагали надежду на силу поэтического слога, способного изменить общество. Их тревожило несовершенство человека, пороки и стороны жизни, которые до сих остаются актуальными — неравенство, насилие, невежество. Обжигаясь до глубоких ран, они несли пылающий факел всеобщего просвещения, своё место в жизни видели в пробуждении самосознание личности, уповали на воскрешение «мертвых душ», на исправление дворянского общества на русский лад. Им казалось, что литература способна изменить мир!?

Нет сомнения — им помогали небеса! Обострённая чувствительность позволяла видеть более других, в самом очевидном они умели находить неочевидное. Обладая пророческим даром, они понимали свою ответственность за каждое слово и безмерно страдали от невозможности реализовать своё видение мира: —

*Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей...*

Александр Пушкин

*С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.*

Михаил Лермонтов

Узники небывалого таланта и мятежного духа — они задыхались в заточении незыблемых правил высшего света, кажется, понятые, и даже принятые им, будучи сами частью его, и всё же — чуждые. Поэтической строкой они сражались с невежеством, тиранией, чиновничьим произволом, рушили устои «стоящих у трона». «Странники с русскою душой» рвали цепи удущающей сферы безысходности. Пушкин умел «выпускать пар» в романтических образах Байроновского толка, Лермонтов — только в малой степени, — крепкие объятия категоричного мышления не позволяли расслабиться, ему ближе были образы мятежного «мцыри», безжалостного Печорина, дерзновенного Демона — зло, борющееся со злом!?

Оба они питали надежду на грядущую победу вселенского добра. Муки поэтического творчества привели к пониманию — победить зло невозможно, непримиримая борьба противоположностей никогда не прекратится, иначе — разрушится мир, нарушится баланс — равновесие. Но не оставляли надежду — сделать русское общество гуманным, справедливым. Только общество не торопилось меняться.

Тот и другой раздражали великосветскую знать, вызывали зависть, ненависть. Они проиграли на полпути, не успев дожить, долюбить, досказать — пали жертвой заговора, подготовленного придворными кругами. Не без активного участия высокопоставленных иностранцев, для которых законы российские — не указ! У русских свой гений? Недостойны! Теперь за гениев говорят их стихи!

Значимость Пушкина современники и потомки оценили по достоинству, — собрания сочинений, музеи, памятники, города, улицы и площади названы его именем. О Лермонтове вспомнили через полвека. 1883 году в Санкт-Петербурге появится первый музей поэта, в 1914 году откроют памятник к 100-летию со дня

рождения. В советское время соберут мемуары и впервые опубликуют их в 1923 году! Страна лежала в руинах Первой мировой; в условиях иностранной интервенции, Гражданской войны и лютого голода нашлись деньги на увековечение памяти преданного певца России. В 1929 году выйдут дополненные воспоминания современников, в 1939 году будет создан музей-заповедник в Тарханах. В 1981 году появится дом-музей в Москве.

Какова судьба литературного наследия Пушкина и Лермонтова? Рукописям, произведениям Пушкина посчастливилось благополучно дойти до наших дней, — их сохранила супруга Наталья Николаевна Пушкина; сын Григорий Александрович создал в Михайловском первый музей отца, личную библиотеку передал в дар Российской государственной библиотеке. Поделились документами и письмами и другие дети Пушкиных. Благодаря чему мы можем создать целостный образ поэта.

Судьба книг и рукописей Лермонтова, обширной его библиотеки — печальна. Михаил Юрьевич был страстным читателем, владел английским, французским, немецким языками, зачитывался произведениями древнегреческих и римских писателей, любил творчество Ломоносова, Жуковского, Пушкина, увлекался «Историей государства Российского» Карамзина, лучшие произведения иностранной литературы читал в подлиннике. После смерти бабушки за бумагами и книгами никто не пришёл, — никто не собирался писать его биографию, анализировать творчество. Чем объяснить пренебрежение к поэту? Напуганные царским указом и цензурой друзья, сослуживцы, литературные критики не имели возможности, да и не видели необходимости в сохранении литературного наследия, — так и остался поэт недооценённым современниками, не сумевшими разглядеть его уникальность, не пожелавшими защитить его от гибели.

Многое утеряно на Кавказе: — Михаил Юрьевич отправлял свои тетради с посылными, багаж нередко подвергался нападениям чеченцев и кабардинцев; только за последний год написано тридцать четыре стихотворения; часть из них исчезла безвозвратно. Сохранилось лишь шестнадцать сшитых им самим альбомов и тетрадей со стихами, рисунками, акварелями. Современники не

озаботились увековечиванием памяти Михаила Юрьевича, — в «золотой век» русской литературы кто только не писал хороших стихов! Николай Раевский, давний друг и свидетель последних его часов, через двадцать пять лет впервые предал огласке памятные строки, он один из первых увидел в Лермонтове гения, но об этом — молчок! Он вспомнил его тонкую натуру и то, что друзья взяли себе на память по одному листочку из рукописи «Героя нашего времени». И только полвека спустя появились серьёзные исследования.

Большую ценность имеют мемуары родственника Лермонтова — Акима Шан — Гирея — короткие и сдержанные. Что-то сберёг его друг — издатель Андрей Краевский, — теперь всё хранится в музеях в Тарханах, в Москве, в С.-Петербурге. Некоторые бумаги поэта достались малограмотному слуге, и, конечно, утеряны; основная их часть попала в руки крестника П.С. Озерского, — опасаясь царского гнева и жестокой цензуры, он не решился разобрать архив и опубликовать, а после его смерти всё досталось экономке; та продавала бесценные бумаги — пудами — по 40 копеек за пуд. Больше всего бумаг досталось пекарю — он заворачивал в лермонтовские рукописи булки и калачи!?

Пушкин и Лермонтов, — непревзойдённое явление в русской литературе, оба они, избранные небесами на стремительный, но прерванный на излёте полёт и на закланье — заложники исполненного духа и гениальности; гениальность держала их на сладостном, коротком поводке — от мук поэтического труда до всенародной славы, — и удушающе крепко сжимала в своих безжалостных объятиях.

Наталья Морсова, 2024 год

Александр Пушкин.

В удушяющих объятиях гениальности...

225-летию поэта посвящается

«Я памятник себе воздвиг...»

Elegi monumentum

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.*

А. Пушкин

Стихотворение «Памятник» с эпитафией Горация «*Elegi monumentum*» (воздвигнут памятник) Пушкин написал 21 августа 1836 года за пять месяцев до своей гибели. Какими для Александра Сергеевича были последние пять месяцев? Почему стихотворение не было напечатано при жизни поэта? Какие изменения внёс В.А. Жуковский? Почему сравнение себя — поэта с Александрійским столпом вызвало негодование властей и зависть современников?

«Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя», — говорил Пушкин. Как посмотрит на эти строки царь?

Ведь выше царской главы только Бог.

В последнее время вокруг поэта сложилась напряжённая обстановка. Александр Сергеевич жил литературным трудом, родители не могли помочь — сами жили стеснённо по меркам дворянской знати.

В.А. Пушкин

Н.О. Пушкина

Произведения подвергались жесточайшей цензуре, царь стал его личным цензором. Положение осложнялось. Постоянное безденежье удручало поэта — похороны любимого дядюшки Василия Львовича, а следом матери, оказались недешёвыми, сватовство к Наталье Гончаровой стоило ему одиннадцать тысяч рублей. Светские балы для молодой супруги, дорогие наряды, содержание прислуги, экипажа для выезда Натальи Николаевны в свет, огромные расходы на создание журнала «Современник» погрузили Александра Сергеевича в депрессию. Долги на момент его смерти перед частными лицами составили 92 тысячи 500 рублей, а перед казной — 43 тысячи 333 рубля. Каждый шаг неблагоннадёжного поэта был под надзором тайных осведомителей и фиксировался в жандармском управлении, — он не мог жениться без благословения самого Николая I. Едва женился — недоброжелатели распустили слухи о неверности красавицы-жены, о её интрижках, в том числе и с царём, — общественное мнение загнало его в угол. За шесть лет совместной жизни у них родилось четверо детей. Александр Сергеевич, безмерно влюблённый в супругу, доверял жене и видел в ней «чистейшей прелести чистейший образец»; всякий раз взглядываясь в детей, он находил полное сходство, и всё же червь сомнения и обиды за жену после каждой анонимки глодал душу: — «... моя бедная Наталья стала мишенью для ненависти света». А скорее всего — зависти, поскольку юная супруга Пушкина приглянулась императорской че-

те во время прогулки молодожёнов в Царскосельском парке и была приглашена во дворец на бал, — с того всё и началось.

А тут ещё критики ставили подножку. В литературных кругах поговаривали о закате Пушкина — появилась критические статьи о «засаривающем Парнас наш хламом мелких орифмованных блестяшек..., он обманывает почитателей его музы... Совершенное падение, Пушкин стал скучен, Пушкин надоел». Обожание его творчества сменилось открытой злобой завистников, подглядыванием в «замочную скважину», его укоряли безродным чернокожим прадедом — арапом, проданным русскому шкиперу, забывая, что арап Петра Великого — Абрам Петрович Ганнибал — генерал-аншеф от артиллерии, как и его доблестные потомки, крепили военную славу Российской империи. Но для чванливой знати воинская слава не в счёт — главное — родовитость. Над головой поэта сгустились тучи.

В стихотворении «Памятник», как и в других произведениях, Пушкин размышляет о судьбе России, о её особом месте в мировой истории между практичным Западом и мудрым Востоком. Он болезненно воспринимает всё «нерусское», имея в виду — «нерусское» отношение дворянской знати к России, в том числе своих друзей и родственников с неразвитым чувством Родины, получивших французское образование, которые мерили всё французским аршином. Вот малоприятный факт — пресмыкающиеся перед всем французским некоторые русские аристократы радостно встречали Наполеона и приглашали завоевателя вместе с генералами в свои салоны на балы и собрания, в то время, когда наполеоновская армия грабила и сжигала Россию. Александра Сергеевича обижало презрение к русскому народу и к его культуре, он горячо убеждал: — важное для России может сделать только русский по духу, что отставание от европейских стран связано не с неполноценностью русских, а с отражением бесконечных вражеских набегов. Пушкин расстался с московским обществом литераторов — «любомудров», мудрствующих о России лекалами немецких философов. Он высмеивал западную демократию, зацикленную на индивидуализме, когда каждый сам за себя, за цинизм, тиранию, продажность всего, даже совести. Чем

и нажил себе много врагов. Поэт раздражал иностранных послов, дипломатов, чиновников, бездельников, презирающих Россию, — у русских есть свой гений? — Не достойны! Готовился заговор...

Суть русской цивилизации заключается в том, что Россия, находясь на стыке культур и религий, тяготеет к западной цивилизации, при этом не отвергает — более того, уважает восточные ценности. Уменье уживаться, проникнуться мировоззрением других, их национальными особенностями, верованиями — отличительная черта русского народа. Как пишет историк В.О. Ключевский: — «В княжеской дружине мы находим обрусевших туземцев, потомков варягов, тюрков, берендеев, половцев, хазар, евреев, угров, ляхов, литву, чудь». Этим объясняется комфортное существование многих нерусских народов в составе православной России, несмотря на её потери и разрушения. Россия аккумулирует в своей культуре всё самое ценное, основополагающее, что есть в многообразном мире, несмотря на различия в понимании принципиально важных вопросов о взаимоотношении человека и природы. Этим отличается русский мир. При этом, «не замай» — не отнимай моё и моих союзников — непреложное правило русского характера. Пушкин это хорошо понимал, но плохо понимали другие. Например, он отдалился от любезного друга философского ума Чаадаева Петра Яковлевича — гусара, участника войны 1812 года, которым в юности безмерно восхищался. Узнав о его пристрастии к западной философии, религии, злобствующих в отношении к России, — он потерял интерес к Чаадаеву.

Над Пушкиным открыто посмеивались, когда он, принятый на службу в министерство иностранных дел, вымаливал у царя право работать в государственном архиве, чтобы иметь доступ к подлинным историческим документам. Его не поняли, когда тот взялся за Пугачёва, — кому это надо? А это надо России, чтобы осмыслить — почему случился крестьянский — казачьий бунт? Оставив любимую «жёнку», он отправился в странствия по Предуралью, по оренбургским степям и городкам, беседовал с людьми, которые помнили, видели полвека назад мятежного казачьего атамана, объявившего себя императором. Долгая дорога в семь тысяч вёрст привела в Нижегородскую губернию — в Болдино —

там он с воодушевлением взялся за историю бунта для «Капитанской дочки», закончил произведение перед самой смертью. Дорожная пыль, «только вёрсты полосаты попадают одне», постоянные дворы, трактиры, холодные сани, тряска в старых тарантах, в телеге, — вся жизнь в дороге. А сколько народных страданий видел он в своих путешествиях — огромная смертность, неслыханная нищета крестьянского люда, рабочих людей, мастеровых. Вот они причины русского бунта, «бесмысленного, беспощадного». Поэт не мог молчать: — «Боже мой, как грустна моя Россия!», — однажды воскликнет он.

Глубокое погружение в Петра Великого, в историю Петербурга, в декабристов, Пугачёва, в быт русской глубинки и нравы иноверцев родили глубокого писателя и гражданина, понимающего свою ответственность перед будущим. Таким зрелым мастером он предстаёт в «Памятнике».

В стихотворении глубокая вера Александра Сергеевича в большое плавание корабля русской истории, в счастливый попутный ветер, наполняющий паруса Отечества поэтическим вдохновением. Первый поэт России торопился жить, как — будто чувствовал краткость своей жизни, он мчался за творческим и личным счастьем по ухабистому бездорожью судьбы, проклиная «проклятую штуку — счастье».

— Для чего я всё пишу? — спрашивал он у жены, — «для тебя, жёнка, чтобы ты была спокойна и блистала себе на здоровье... Побереги же и ты меня...» Юная и мало знающая жизнь, не привыкшая к чтению, к русской литературе, — она и не могла быть его защитником, единомышленником. Доверчивая Наталья Николаевна, не искушённая в светских интригах, оказалась в сетях сплетен. Карамзина Екатерина Андреевна просила Наталью Николаевну стать ангелом — хранителем мужа. Но как уберечь страстно влюблённого и болезненно ревнивого супруга от самого себя? Этой страстью воспользовались недоброжелатели. Будучи в отъезде, он требовал, чтобы жена не кокетничала с царём, возвратившись, носился по Петербургу, разыскивая её, прятался, чтобы уличить в измене. Уставший от излишней публичности, от ненавистных придворных балов, куда надо являться в камер-

юнкерском мундире, чтобы любвеобильный Николай I мог ухаживать за Натальей Николаевной — за столом усаживал её возле себя, с нею открывал танцевальные балы, — поэт терзался измученной душой и стал заложником своей ревности. Пушкиной не давал прохода красавец — блондин Дантес — её постоянный партнёр по танцам. А плясали тогда часто, в масленицу аж по три раза на день, так, что Наталья Николаевна, порой, падала в обморок. Стишки и карикатуры на Пушкина-рогоносца злорадно растаскивались по гостиным обеих столиц. Он, доведённый до отчаяния, вздрагивал от резкого звука, от громкого плача детей и убегал в уединение. В тиши чужого дома он написал «Памятник». Зловещий меч безнадёжности висит над его головой. Петербург затаился — приближалась развязка. А в это время рождаются строки: *«Я памятник себе воздвиг...»*.

Последний удар нанесли ненавистники России, всего русско-го, а, значит, и Пушкина, прислав ему новую анонимку. Эти господа собирались в богатых салонах, где сочинялись унижительные пасквили, сюда Пушкина не звали — он был слишком мал для собраний таких знатных вельмож в виду своей бедности, — он даже сватался во фраке своего друга юности Нащокина. И, вместе с тем, поэт слишком велик, чтобы его не замечать. Вся эта свора дразнила и развлекалась, завидовала и ненавидела. Похудевший, задёрганный, он искал авторов подмётных писем — зачинщиков скандала — свой выбор остановил на французе Дантесе — приённом сыне голландского посла барона Геккерна (как потом выяснилось — письмо написано рукой князя Васильчикова). Дуэль назначена. А в это время рождаются пророческие строки: — *«Нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживёт...»*.

Но дуэль отложена — Дантес женится на сестре Натальи Николаевны — Екатерине — некрасивой, нелюбимой. Коварство заговорщиков зашкаливает своей подлостью. Теперь будущий убийца встречается с семейством Пушкиных по-свойски и продолжает источать Пушкиной пылкую страсть.

До последней дуэли 27 января 1837 года остаётся пять месяцев. И вдруг из мрака терзаний, из душевного и творческого кри-

зиса возносится светлый и смелый «Памятник», близкий «К Мельпомене», но настроение совсем иное — как будто написано последним дыханием гения, который прощается с современниками и подводит итог творческого пути. Это стихотворение можно считать духовным завещанием потомкам. Пушкин знал шестнадцать языков, любил латынь и греческий, а в русском души не чаял. Это он, великий русский, разливается широко и привольно в стихотворении «Памятник».

И вот получена последняя анонимка с приглашением Александра Сергеевича занять почётное место коадьютора великого магистра (намёк на царя) в Ордене Рогоносцев с соответствующей картинкой. Дуэль откладывать нельзя — Петербург ждёт — завтра. О дуэли известно друзьям — уговоры не помогают, Бенкендорф и царь знают о предстоящей расправе над поэтом и над всей русской литературой — ждут развязки. Могла предотвратить беду любимая супруга, с каретой которой он столкнулся по дороге на дуэль в экипаже лицейского друга и секунданта Данзаса. Не заметила.

Дуэль состоялась, к душевным терзаниям прибавились терзания физические — пуля разорвала низ живота. Тяжело раненому Пушкину хватило сил стрелять лёжа, облокотившись на руку, — попал! Отмщён! Но пуля, предназначенная Дантесу, от ricoшетила от пуговицы в ногу. Вот он — новый герой! Миссия ненавистников России выполнена — избранный на закланье поэт и гражданин уничтожен, безжалостно, хладнокровно, русская литература обезглавлена. А к тому времени уже написано и ждёт своего часа: — *«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...»*

Друг Александра Сергеевича — Василий Андреевич Жуковский, разбирая с разрешения царя бумаги Пушкина, (после обыска в квартире и изучения их в жандармском управлении), нашёл много неопубликованных произведений — как в черновых вариантах, так и законченных. Среди них — стихотворение

«Памятник». Поражённый силой слова, масштабностью мысли, значимостью произведения, Жуковский стал собирать деньги и в 1841 году опубликовал его в IX томе посмертного издания неизвестных сочинений поэта, — на издание подписалось всего

218 человек и учреждений, — Пушкина стали забывать. Его наставник и покровитель, всякий раз спасавший то от Сибири, то от Соловков, то от дуэли, признавал первенство поэта и однажды подарил ему свой портрет с надписью: «Победителю — ученику от побеждённого учителя».

Стихотворение не имело названия, только эпитафия из оды Горация: «Создан памятник». Название «Памятник» дал Жуковский. Что имел ввиду древнеримский поэт? Неужели возвышение личной славы над общественным мнением? Конечно, нет — он увековечил значение поэтического наследия для человечества, величие искусства. Именно в этом смысле стоит рассматривать и стихотворение Пушкина.

Пушкинский «Памятник» напоминает нам — кто мы есть, каково историческое прошлое России, поэт твёрдо следует взглядам М.В. Ломоносова: — «Народ, не знающий своё прошлое, не имеет будущего». Для Александра Сергеевича поэзия — это обязательная свобода, в условиях несвободы личности истинной поэзии не бывает: — «*В жестокий век восславил он Свободу*» и просит власть предрержащих проявить «*милость к падшим*», скорее всего, к декабристам. Автор надеется, что поэзия поможет потомкам стать гуманными, что его творчество будет жить вечно, ведь лира пробуждает добрые чувства, идеи справедливости, он верит, что литература объединит людей. Он просит поддержки у музыки — не гнаться за славой и не страшиться обманутых надежд, сиюминутных обид и клеветы. Поэт держит ответ не перед земными критиками — перед Богом! Таким видится замысел «Памятника». Написать подобное стихотворение для человека, оказавшегося под жёстким контролем со стороны властей — настоящий подвиг.

Пушкин вложил в стихотворение природный пыл, вдохновение, душевные силы, отесняя на второй план мучительную тяжесть поэтического труда. В нём глубинная суть подлинной поэзии, раскрывающая богатство внутреннего мира человека, умудрённого большим жизненным опытом с его радостями и страданиями. (Это в его-то молодые годы!) Когда-то вспыльчивый задира, порой, ветреник и гуляка — теперь маститый писатель —

поэт, лицо русской литературы. Как на ладони — его обнажённая душа, полная достоинства и несломленного духа. Он как будто отважился на прощание поставить на кон всё, что имел, не озираясь на цензуру и сплетни света. И, кажется, — простил своих обидчиков, поднявшись на другую, высшую ступень духовности. Перед смертью он молится: — «И дух смирения, терпения, любви и целомудрия мне в сердце оживи». Перед нами гражданин, слившийся с историей страны и жизнью своего народа, с его подвигами и бедами; здесь поэт — собранный и зрелый, здесь человек, хорошо понимающий — игры закончились, он в полной мере понимает роковое стечение обстоятельств, сложившихся вокруг него. Ещё он жив, и нет той самой последней дуэли, а уже как будто монумент. Десятью годами ранее (1826 г.) в откровении «Пророк» поэт «вырывает грешный свой язык, и празднословный, и лукавый» и осознаёт свою миссию — «глаголом жечь сердца людей». И вот теперь, выполнив свой долг перед Отечеством и перед литературой, он, всеми помыслами обращённый в будущее, возносится над земной суетой и уходит в вечность.

Так мыслить мог человек, понимающий свою значимость. Знал ли Пушкин, что стоит на вершине пьедестала русской литературы? Конечно, знал, всё понимал. Он проявил себя ещё в лицее, когда шестнадцатилетним подростком прочитал Г.Р. Державину свою оду. После чего в лицей приехали Карамзин, Вяземский, Жуковский — столпы русского Парнаса — посмотреть на талантливого молодого человека. «Мастодонты» литературы поняли гениальность юноши, это они открыли ему двери в высший свет и всю жизнь оберегали. Слава следовала за баловнем судьбы по пятам. Понимали это и цари: — Александр Первый — «плешивый щёголь, враг труда», Николай I — «Палкин». В ином случае — Сибири не избежать. За дерзкие эпиграммы на царя, за призывы к бунту следует тюрьма, каторга, как случилось с редактором журнала Новиковым, с Радищевым, с декабристами, куда более родовитыми, нежели Пушкин, а поэта ссылают на окраины России — в Бессарабию, Одессу, Крым, на Кавказ на должности секретаря, архивариуса с достойным жалованием, а то и в роди-

тельские имения Михайловское, Болдино, — его только изолируют от столичного общества.

Значимость Пушкина для России понимал и народ — простой и знатный; до последнего дыхания с ним оставались Жуковский, Вяземский с женой, Александр Тургенев, Данзас, Загряжская, Владимир Даль, столичные врачи. Екатерина Андреевна Карамзина писала, что Александр Сергеевич пал жертвою «легкомыслия, неосторожности и неразумия молодой красавицы». Александр Николаевич Карамзин скажет: — «Плачь, моё бедное отечество! Не скоро родишь ты такого сына! На рождении Пушкина ты истошилось!». Наталья Николаева, осознав потерю, произнесла за минуту до его смерти: — «Я убила своего мужа, я причина его смерти, но богом свидетельствую, — я чиста душой и сердцем!» Успел запиской известить о своём прощении царь, пообещав позаботиться о семье, и обещание выполнил.

Тысячи людей из разных сословий толпились возле дома умирающего на Набережной Мойки, 12. За воротами стоял юный корнет, сотрясаясь в рыданиях, на ходу рождались строки: — «Погиб поэт! — невольник чести —, / Пал, оклеветанный молвой, / ...Угас, как светоч, дивный гений, / Увял торжественный веноч... Отравлены его последние мгновенья / Коварным шепотом насмешливых невежд... Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Геня и Славы палачи! / Таитесь вы под сению закона, / Пред вами суд и правда — всё молчи! ...И вы не смаете всей вашей чёрной кровью / Поэта праведную кровь!». Это был Михаил Лермонтов. Лермонтов не увидит пророческого стихотворения своего кумира, — юный луч русской литературы будет убит в 26 лет — 27 июля 1841 года, будучи в ссылке на Кавказе, — именно в этом месяце выходит посмертный IX том неизвестных стихов Пушкина, подготовленный Жуковским, где впервые опубликован «Памятник».

Толпы студентов, важных господ и простолюдинов ринулись в Исаакиевский собор, где отпевали Пушкина, — власти испугались беспорядков, перевезли прах в другую церковь и скоро отменили церемонию. Царь распорядился тайно, без провожатых, вывезти его из столицы в родовое имение Михайловское и захо-

ронить в монастыре на Святых горах. Вёз старый слуга Никита Козлов в сопровождении жандарма. Друг юности Александр Иванович Тургенев напросился проводить — Бенкендорф дозволил. И вот теперь всё в прошлом — любимая жена и дети, друзья и обидчики, интриги, земная суета и душевные метания, — наступил покой, о котором поэт всё чаще упоминал, мысленно обращаясь к недавно умершему другу юности Дельвигу: — *«Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»*

Жуковский, работая над стихотворением, покривил душой и внёс в текст изменения, он побоялся грозного окрика властей — цензоры не пропустят стихотворение сомнительного свойства. Как не навлечь царский гнев на вечно опального, даже посмертно, Пушкина? Осмотрительный царедворец пригладил «Памятник», а заодно «Медного всадника» и «Каменного гостя».

Что известно о Жуковском? Василий Андреевич более четверти века верно служил царю и Отечеству, — поэт и чтец при вдове Павла I, учитель русского языка жены Николая I, его образованность и широкая эрудиция позволили стать наставником их сына Александра — в будущем того самого царя Александра II — освободителя, отменившего крепостное право. Влияние Жуковского налицо.

Жуковский исправил первое четверостишие и написал: «Вознёсся выше он главою непокорной / Наполеонова столпа». И только через сорок лет историк и литературовед Пётр Иванович Бартнев обнаружит оригинальный текст стихотворения.

О каком Александрийском столпе говорит поэт? Пушкинисты задумались, архитекторы бросились искать столп. И что же выяснилось?

Александрийский столп — это огромная гранитная колонна, стоящая на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге, сооружённая в память императора Александра I в честь победы над французской армией в 1812 году. Пушкин позволил себе использовать царственный образ величественного сооружения — триумфальную колонну, 47,5 метров высотой, которую венчает ангел, колонна выполнена архитектором Огюстом Монферраном. Надо сказать, что поэт в 1934 году специально уехал из города, чтобы

не присутствовать на торжествах по случаю «освящения», — слишком много обид он затаил на царей.

Оправдывая Пушкина, исследователи нашли другой Александрийский столб, возведённый в Египте в честь Помпеевых побед. Некоторые заявляли, что стих является шуткой над своим сложным положением в высшем обществе. Может быть, Пушкин вообще придумал несуществующий столп? Нет, не придумал — все дороги ведут в Петербург. На самом деле, Александра Сергеевича волновала не величина памятника рукотворного, а величие поэтического наследия.

И теперь становится понятно, почему поэт не рискнул опубликовать стихотворение, — боялся быть непонятым. Можно предположить, что он остерегался осуждения за подражательство Ломоносову, Державину, но те лишь переводчики Горация, а здесь — масштабность! Возможно, предчувствуя беду, он понадеялся на преданных друзей, которые опубликуют его позже, когда будут другие цари и другие потомки.

Так и случилось — через сорок лет стихотворение опубли-

ковано, но и тогда поэта не поняли так, как тому хотелось; оно вызвало негодование властей, недоброжелатели высказали недоумение, усмотрев дерзость, зазнайство, прижизненное восхваление своих заслуг, убежденность в своей немеркнувшей славе. И только столетие спустя потомки поняли и оценили по достоинству гениальность «любезного народу» поэта. Слава Пушкина, пронёсшаяся сквозь века, подтвердила его предвидение: «*К нему не зарастёт народная тропа*», — страна любит, помнит, чтит поэта, 6 июня ежегодно отмечает день его рождения как день русского языка!

Произведения Пушкина известны не только внукам славян, тунгусов и калмыков, а и всему миру, они переведены на многие языки. Когда-то, ещё в лицейские годы, столпы русской литературы пожелали начинающему поэту: — пари, орёл, не останавливайся. И он высоко парил всю свою короткую жизнь, стал классиком русской литературы, основателем современного русского языка, символом литературной России. Стихотворение, не удостоенное вниманием современников, получило заслуженное признание благодарных потомков.

Пушкин на века прославил своё Отечество. Чем мы укрепим славу России? Сумеем ли бережно сохранить величайшее историческое, литературное наследие? Особенно теперь, когда многое потеряно в русской культуре, когда подражание Западу зашкаливает, когда ненавистники погрузили Россию в политическую, идеологическую, экономическую блокаду, запретили у себя Пушкина, Лермонтова, Чайковского Достоевского, Толстого, да и нас всех заодно отменили.

Июнь 2022 год

Р.С.

Читателю на заметку. 5 июля 2022 года Швеция и Финляндия формально подали заявления в НАТО; чтобы угодить хозяевам, эти страны приняли решение о запрете въезда лиц с российскими паспортами; данный указ сопроводили пояснением: — поездка в Европу — привилегия не для русских, русские не должны жить хорошо!/? Это при всех благах, которые на Финляндию сыплются из России? Вот так раз! В стране уже конфискованы активы и

собственность физических и юридических лиц по национальному признаку. А ведь когда-то земли Финляндии, Прибалтики были частью Новгородского княжества, потом триста лет в составе Российской империи! Разбаловали мы вас, господа! Тогда напомним: — это не о вас ли писал поэт: — финский рыболов, убогий чухонец, печальный пасынок природы, один у низких берегов бросал свой ветхий невод? Это не тот самый чухонец, получивший от России независимость в 1917 году и самые выгодные добрососедские отношения?

«Прощание Пушкина с морем»
Художник И.К. Айвазовский

Прибалтийские страны пошли того дальше — намереваются выдворить русских без гражданства и с двойным гражданством, а лояльных к России «изолировать», — тех, кто возлагает цветы к братским могилам, к памятникам советским воинам, кто мешает их сносить. Изолировать как — переселить в резервации, в концлагеря, сжечь в печи? Вам напомнить, источающие русофобскую злобу соседи, что Россия, не взирая на мизерность территорий и численность населения, одарила вас государственностью в 1920 году?

Когда убивали Пушкина, уже тогда презирали, тогда ненавидели — русским (дикарям, рабам, варварам) не место среди европейских «цивилизованных» народов... Может быть, пора вернуть историческую справедливость? Забыли, господа, «россов меч, преследующий бегущего врага»?

*Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

А. Пушкин

2022, 2023 гг.

Пушкин и Глинка.

Все бессмертные в небесах...

Что связывало Александра Сергеевича Пушкина — «солнце русской поэзии», и Михаила Ивановича Глинку — «зарю русской музыки»? Как сложились хитросплетённые судьбы тех, кого коснулось «чудное мгновенье»? Немного прожили на земле «бессмертные в небесах» Глинка — 53 года (1 июня 1804 — 15 февраля 1857 гг.), Пушкин — 37 лет (6 июня 1799 — 10 февраля 1837 гг.).

Александр Пушкин

Михаил Глинка

«Славься, славься ты, Русь моя! / Славься ты, русская наша земля!» — это слова заключительной песни — оратории из первой российской оперы Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя», которая вот уже около двух веков считается величайшим патриотическим гимном России.

Признание народа в любви к царю, дополненное придворным поэтом В.А. Жуковским, тешило самолюбие Николая I, но пафосная направленность его коробила. Что было не так, не похоже на привычную итальянскую оперу? Впервые героями музыкального произведения стали простые люди из низов. А это недозволительно никому, даже всемирно известному композитору, крестьянскому сыну Джузеппе Верди, который однажды вывел на сцену «народные массы», что привело к взрыву протестного движения, за что автор оказался в числе политически неблагона-

дѣжных и бежал во Францію, хотя вели себя «народные массы» вполне прилично и плетёными лаптями не пугали добропорядочную публику. В будущем Верди отказался от заигрывания с народом и вернулся в Италию.

Глинка же не побоялся вывести «народные массы» на сцену. Опера звучит как гимн победы над врагом, как восхищение доблестным русским народом — защитником Отечества, готовым отдать жизнь за царя. На сцене императорского театра в Санкт-Петербурге, (в будущем Мариинского), невиданное до-

ныне — крестьяне и крестьянки, служивые люди, городская беднота и князья, победившие польско-литовско-шведских интервентов в 1612 году, прославляли царя, Русь, крестьянина Ивана Сусанина, заплутавшего в костромских лесах с отрядом польских интервентов («Иван Сусанин» — таким было оригинальное название оперы, изменённое по настоянию царя). Лапотники, лапотницы и служивые в холщёвых портах, зипунах, в сарафанах, душегреях, в камзолах, кожухах, в сапогах и чоботах, вооружённые вилами, кольями, ружьями, секирами, мечами и топорами простирают руки к царской ложе, кричат «ура» и кидают вверх войлочные шапки. Царь растерялся, но досмотрел до конца. Зрелище наводило ужас: — это опера для кабаков и кучеров, — возмущались зрители, — как фамилия автора, Глинка? Глина — она и есть глина, — что с неё возьмёшь. Это было 27 ноября 1836 года. Пушкин сидел в одиннадцатом ряду, в антракте к нему подходили друзья, знакомые из аристократического «бомонда» и выражали восхищение мощной по значению и звучанию музыкой. Царь поздравил молодого композитора и подарил перстень с собственной руки.

Так прошла премьера оперы Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя». Первая русская опера была принята, но большого наплыва зрителей не вызвала. Какое-то время она держалась на сцене Петербургского театра и ставилась по особому торжественным

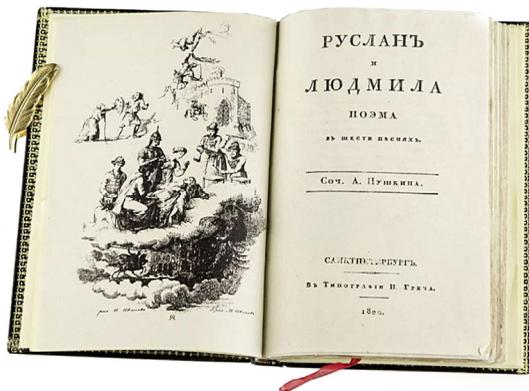
случаям. При этом всякий раз царь интересовался: — лапотники и лапотницы опять плясать будут? И предложил пустующий зал заполнять провинившимися солдатами вместо гауптвахты. Директор Императорских театров и Эрмитажа Гедеонов настаивал на закрытии опасного спектакля.

Друзья Глинки устроили банкет по случаю премьеры и выразили искреннее восхищение успехом композитора. В кругу единомышленников обсуждалось будущее русского оперного и симфонического искусства, которого до сих пор в России не было. Среди них, конечно, Пушкин, композитор написал десять романсов на его стихи, особое место занимает «Я помню чудное мгновенье», романс, неожиданным образом повлиявший на судьбы известных людей.

Глинка высказал Пушкину желание написать оперу по поэме «Руслан и Людмила». Они увлечённо придумывали либретто, собирались скоро увидеться, но встретиться им не пришлось — через два месяца после премьеры 27 января 1837 года состоялась роковая дуэль, Пушкина не стало! Злые анонимки, карикатуры светских сплетников об интрижках Натальи Николаевны, в том числе с царём, не щадившие ни Александра Сергеевича, ни его жену, загнали Пушкина в тупик. Это был двадцать первый вызов на дуэль в жизни вспыльчивого поэта. Состоялись не все — благодаря стараниям друзей. Вызванный во дворец поэт обещал Ни-

колаю отказаться от дуэли, но обстоятельства изменились: — Натали, танцую мазурку с Дантесом, который недавно женился на её сестре — Екатерине, была оскорблена пошлостью светского красавца — сравнением её тела с телом сестры, — о чём она рассказала мужу. На этот раз уговоры не помогли.

После беседы с поэтом вдохновлённый Глинка бросился в Малороссию собирать материал для «Руслана», он записывал старинные песни, сказки, плясовые, окрашенные отголосками древней Киевской Руси. И не сразу узнал, что Пушкина не стало.

Премьера «Руслана» состоялась 9 декабря 1842 года, это был колоритный спектакль с яркими костюмами, богатыми декорациями, национальными танцами. Торжество муз поэзии и музыки вылилось в гимн преданной и верной любви, в патристический порыв, в восхищение подвигом русского народа — освободителя земли русской от нечистой силы, от зла. Эпический герой княжич Руслан предстаёт не только женихом Людмилы — дочери великого киевского князя, но и славным русским богатырём. Авторы вложили в образ Руслана силу Ильи Муромца, доблесть Микулы Селяниновича, отвагу Добрыни Никитича. Реквием, посвященный Пушкину, исполняет рунопевец Баян со словами: «...*Но не долг срок на земле певцу, Но не долг срок на*

земле: *Все бессмертные в небесах...*» Но вмешалась цензура и музыкальный молебен по убиенному поэту запретила, — зачем смущать достопочтенную публику неприятными воспоминаниями? Тем более, что многие осуждали Пушкина и сочувствовали несчастному Дантесу, вынужденному жениться на нелюбимой Екатерине Гончаровой, чтобы спасти честь по-настоящему любимой — Натальи Пушкиной!?

Восхищение древней Русью, подвигами былинно-сказочных героев, опять же с копьями и мечами в руках, испугали царя. Не дождавшись окончания оперы, раздражённый самодержец покинул ложу, следом удалилась знатная публика. Зал опустел. Так прошла премьера второй оперы Глинки. На «Руслана» ходить не стали, спектакль закрыли.

Теперь Глинка — известный в Европе композитор, марш Черномора, ария Людмилы, увертюра оперы умчались в концертные залы западного мира, их исполняли Ференц Лист, Берлиоз. В России отрывки из оперы исполнялись лишь в дружеских компаниях, композитор не получил ни большой славы, ни денег, он так и остался автором романсов. Больше опер Глинка не писал.

Началось безденежье, приведшее композитора в депрессию. Долги росли, выручали романсы, уроки музыки и пения, деньги от родителей. И тогда Михаил Иванович отправляется за грани-

цу, в Германию, Италию, в Польшу, Испанию, Францию учиться музыкальному искусству у великих мастеров и давать концерты, — европейские ценители музыки хорошо платят. Там он начинает оперу «Тарас Бульба», но русско-турецкая война заставляет вернуться на родину, опера так и не была закончена. И к лучшему — тему казацкой вольницы вряд ли бы высоко оценили.

Имена двух гениев — Пушкина и Глинки — неразрывно связаны между собой. Что их объединяет? Оба они горячо продвигали русскую национальную культуру, отчего имели много врагов. Наперекор неразвитому у соотечественников чувства Родины, они прививали любовь к Отечеству, веру в русский народ. Их дружба — созидательная, — длилась десять лет, а в творчестве своём они сплелись на века. Критик, историк искусств, общественный деятель Владимир Васильевич Стасов писал: *«Глинка в русской музыке имеет такое же значение, как Пушкин в русской поэзии. Оба — родоначальники нового русского творчества, оба глубоко национальные, оба создали новый русский язык — в поэзии и музыке».*

Как познакомились Глинка и Пушкин? После смерти бабушки воспитанием Мишеньки занялись родители, в 1828 году они отправили одарённого ребёнка тринадцати лет в Петербург в Благородный пансион. Вместе с Глинкой учился Лев Пушкин, брат Александра Сергеевича. Воспитателем юноши стал В.К. Кюхельбекер, он преподавал русскую словесность, — к своему лицейскому другу нередко навещался Пушкин. Глинка понимал значение Пушкина для России, называл его по имени-отчеству, несмотря на маленькую разницу в возрасте. После пансиона начинающий композитор поступил на службу в Главное управление путей сообщения, но скоро уволился.

А случилось вот что: однажды молодой человек, намеренно или нет, возможно из простого любопытства оказавшийся на Сенатской площади, стал свидетелем восстания декабристов 14 декабря 1825 года, его даже подозревали в укрывательстве своего педагога Кюхельбекера. Глинка тогда восхитился достойным поведением только что восшедшего на престол императора Николая I: *«он был бледен и несколько грустен; сложив спокойно руки*

на груди, пошёл он тихим шагом прямо в середину толпы и обратился к ней со словами: "Дети, дети, разойдитесь!"»

Однако, испугавшись размаха восстания и жестоких карательных мер против бунтовщиков — казней, тюрем, ссылок в Сибирь на каторгу, Глинка срочно подал в отставку и уехал в родительское имение на Смоленщину. Среди восставших были друзья Пушкина, сам поэт находился в ссылке в Михайловском, знаки судьбы его уберегли от участия в попытке государственного переворота. Узнав от друзей о смерти Александра I и нежелании военных присягать новому императору, он ринулся в Петербург, но излишнее суеверие, или осторожность, остановили его — на дорогу дважды выбегал заяц, а кучер заболел белой горячкой. Пушкин повернул обратно.

В судьбах двух гениев прослеживаются некоторые совпадения: разница в возрасте 5 лет; разница в днях рождения — 5 дней, (оба они июньские); разница в днях смерти — 5 дней (Пушкина не стало — 29 января, Глинка — 3 февраля). 3 марта 1857 года в Конюшенной церкви, где 20 лет назад отпевали Пушкина, отслужили панихиду по Глинке. *«Я на одном и том же месте плакала и молилась за упокой обоих, — писала Анна Петровна Керн. — День был ясный, солнечный, светлые лучи его падали прямо из алтаря на гроб Глинка».*

Похожими были их детские годы, мальчики росли среди природы; пропитанные народным духом, со старинными песнями и сказками, они воспитывались бабушками, отстранившими родителей от своего влияния, и одарёнными няньками. Тепличные условия содержания дорого чада Мишеньки безмерно любящей бабушкой, Фёклой Александровной, создали изнеженное, капризное, болезненное дитя. Юное дарование, рождённое «под пение соловья», росло нервной недотрогой — «мимозой». Однажды случилось определяющее судьбу ребёнка событие — его дядя организовал концерт симфонической музыки в исполнении крепостных музыкантов, с этого времени мальчик потерял покой, музыка охватила всё его существо.

Так случилось, что в жизни обоих гениев глубокий след оставила одна женщина — Анна Керн, — удивительное стечение об-

стоятельств — стихотворение «Я помню чудное мгновенье». Имя Александра Пушкина связано с именем Анны Керн, а Михаила Глинки — с её дочерью — Екатериной Керн.

Муза Александра Сергеевича — Анна Петровна, тогда ещё Полторацкая, весёлая и озорная, взволновала сердце молодого поэта. Стройная, с голубыми глазами и светлыми волосами, Анна притягивала внимание мужчин, кавалеров у красавицы — хоть отбавляй. Властный отец доводов семьи не слушал и сделал выбор в пользу старика — 17-летнюю девушку выдали замуж за 52-летнего героя ста сражений генерала Е.Ф. Керна, — к мужу она открыто высказывала своё отвращение. Поэт и его муза встретились спустя шесть лет. Когда-то пылкие его чувства вылились в гениальное стихотворение «Я помню чудное мгновенье».

Анна Петровна, не познавшая супружеской любви, — «муж либо спит, либо на ученьях, либо курит...» — безмерно скучала и тянулась к талантливым людям. Она родила троих детей и сбежала в Петербург, любви к детям не проявляла, участия в их жизни не принимала, двое из них умерли, жила в столице без опеки рассерженного супруга, а поклонников — не счесть, сам император Александр подарил ей золотую застежку на ожерелье, украшенную бриллиантами, и вызвался крестить её дочерей. Знатная дама была вхожа в высший свет, в лучшие литературные круги, остались её мемуары — прелестные письма и дневники с воспоминаниями о прошлой жизни и многочисленных знакомых.

Анна Керн

Екатерина Керн

Вскоре от «гения чистой красоты» мало что осталось, теперь Пушкин называл её «Вавилонской блудницей». Всё это считалось приличным по меркам светской жизни, пока не случилось непредвиденное — её страстный роман с 16-летним кадетом Сашей Марковым-Виноградским, троюродным братом, на 20 лет её моложе. Когда-то блистательная светская львица, теперь при живом муже незаконная жена бедного коллежского асессора, получила отставку в обществе, её перестали открыто принимать, «чудные мгновения» закончились.

Глинка был знаком с Анной Петровной в лучшие её годы, — в Петербурге они часто виделись на званых вечерах. Однажды случайно он увидел её дочь — Екатерину. Воображение впечатлительного музыканта пленило хрупкое создание — её дивный голос, движение рук, печальная задумчивость, чуткий, душевный характер. *«Нечто страдальческое на её бледном лице, её ясные выразительные глаза, необыкновенно стройный стан и особенного рода прелесть и достоинство»* восхитили композитора. И вдруг он понял, что влюбился. Ему показалось, что он молод, свеж, силен и от того счастлив. Волнение от нахлынувших чувств вылилось в романс «Я помню чудное мгновенье», — романтическое посвящение женщине, полное трогательной нежности, задумчивости, окутанное промелькнувшей дымкой воспоминания, какой-то тайной, только им одним известной, стало достоянием не только матери, но и дочери. Глинка прилюдно преподнёс романс возлюбленной.

Пушкин и Глинка были в дружеских отношениях и знали о романтических увлечениях друг друга. В гостеприимном доме А.Н. Оленина, президента Академии наук и директора Публичной библиотеки, в загородном имении Приютино собирались сливки аристократии, писатели, художники, музыканты. Александр Сергеевич, влюблённый в юную Анну Алексеевну — дочь Олениных, не зная о том, что сердце её уже занято, «... сводил всех с ума чтением «Бориса Годунова», разыгрывал сценки, а Глинка блестяще пел свои романсы и учил Анну Алексеевну пению, — о чём мы узнаём из её дневника. Только что вернувшийся из ссылки в 1828 году Пушкин бросился свататься, но поднад-

зорный, легкомысленный бесребреник и «некрасивый вертопрах... со стеклянными глазами», — как она его называла, получил отказ. Анна, грациозная девушка с невероятно маленькой ножкой, за которой во время танца следили равнодушные мужчины, отличалась незаурядными способностями — владела французским, английским, испанским, хорошо пела, музицировала, рисовала, увлекалась лепкой, смело ездила верхом, стреляла из лука, ловко танцевала. Как в такую не влюбиться? Анне посвящены прекрасные его стихи, в том числе «Я Вас любил...». Обиженный отказом Пушкин «с оленьими рогами», гордый, пылкий, самовлюблённый и болезненно ранимый, знающий цену своему таланту, но не себе, всю желчь и досаду выплил в черновик «Онегина», представив Анну Оленину в образе Лизы Лосиной, которая «...так жеманна, так мала, / Так неопрятна, так писклива, / Что поневоле каждый гость / Предполагал в ней ум и злость». Сам же Оленин выглядел как «пролаз, о двух ногах нулек горбатый...». Да, Пушкин нередко бывал злым... Но скоро утешился и посватался к 16-летней Натали Гончаровой...

Сердечный друг юности и лицейский товарищ Пушкина, поэт и издатель барон Дельвиг, родом из обрусевших прибалтийских немцев, держал литературный салон, Антон Антонович был богат и любил сорить деньгами. Среди гостей, как всегда, Пушкин и Глинка, «*услаждающий весь кружок своими дивными звуками*», — вспоминала А.П. Керн. Ранняя смерть Дельвига в тридцать три года настолько потрясла Пушкина, что он и сам засобирался в последний путь, и сборы оказались недолгими. Встречался Глинка с Пушкиным у его сестры Ольги Сергеевны Павлищевой, там он блистательно играл отрывки из оперы «Иван Сусанин». Оба товарища с упоением слушали произведения Гайдна, Моцарта, Бетховена. И, конечно, не раз виделись под крышей дома любезного друга и покровителя Пушкина — у Василия Андреевича Жуковского,

А.А. Дельвиг

спасавшего поэта то от Соловков, то от Сибири, то от дуэли. Но какого дома? — Василий Андреевич жил ни где-нибудь, а в Зимнем дворце. Не дурно...

Из дневника композитора мы узнаём о том, что, несмотря на стеснённое материальное положение, он принимал Пушкина у себя дома в марте 1836 года: *«Жуковский ... дал мне однажды фантазию «Ночной смотр», только что им написанную. К вечеру она уже была готова, и я пел её у себя в присутствии Жуковского и Пушкина».*

Глинка, будучи в браке, ощущал скуку, своё несчастье и полное одиночество, детей у них не было, женщина ограниченного ума мало интересовалась музыкой мужа. Возможно, сказалось нездоровье Михаила Ивановича, возможно проявилось изнеженное бабушкино воспитание, или глубокое погружение в музыкальный канон, отнимающее все душевные силы, а, может быть, её непомерная алчность, — но искра страсти между ними не вспыхнула. Супруга, не дождавшись мужниной любви, долго страдала и, не скрываясь, нашла её на стороне. Разгорелся скандал. Глинка подал на развод, процесс длился шесть лет. Он был ещё в браке, когда случился его роман с Екатериной Керн. Летели дни и годы. О любовных отношениях все знали, но открыто не осуждали. Екатерина забеременела, её семья потребовала от Михаила Ивановича решительных поступков. Для Глинки это событие оказалось настолько неожиданным, что он растерялся, дал возлюбленной значительную сумму денег, присланных из родительского дома, со строгим наказом избавиться от ребёнка. Мать увезла дочь подальше от столицы, чтобы сохранить всё в тайне, избежать огласки и скандала в обществе. Через год Екатерина Ермолаевна вернулась в Петербург. Родила ли она или избавилась от плода — никому не известно. Недовольная Анна Петровна проявила своё пренебрежение к несостоявшемуся зятю. И вот беда — чувства его стали угасать, он потерял всякий интерес к когда-то обожаемой им женщине, охлаждение стало столь велико, что они больше никогда не увиделись, скоро он уехал за границу. *«Уж не было прежней поэзии и прежнего увлечения»*, — оправдывался музыкант.

Как после гибели Пушкина сложились судьбы тех, кого коснулось «чудное мгновенье»? Глинка нигде не высказался о трагической смерти друга, которая затронула его невероятно болезненно — слишком много строк, произведений и волнений связало этих выдающихся людей, потеря была столь велика, что композитор замкнулся в себе и сосредоточился на музыке. Сохранилась лишь короткая запись о том, что *«из-за жены лба под пулю не подставляю»*. Он не решился связать себя узами брака, сиплое дыхание и потускневший взгляд выдавали в нём глубокое нездоровье. Остаток жизни был холостяком, жалея лишь об одном — о своей бездетности.

К Екатерине Ермолаевне Керн сватались, но она отказывала. Десять лет женщина ждала от любимого предложения руки и сердца, но оно так и не последовало. Одно время поговаривал о сватовстве овдовевший Сергей Львович Пушкин, уже глубокий старик, отец Александра Сергеевича, он всерьез задумал жениться, но его отговорили, к чему огромные усилия приложила Наталья Николаевна Пушкина. И всё же Екатерина вышла замуж, родила сына, ранняя смерть мужа оставила её без средств существования — пришлось за мизерную плату работать учительницей, гувернанткой в богатых домах.

Замысловатая нить сплетённых судеб на этом не обрывается — о беде Екатерины Ермолаевны узнал младший сын Пушкина Григорий Александрович, — более других похожий на отца, — и стал ей помогать. Он получил хорошее образование, но, будучи небогатым, большой популярности в высшем свете не имел, стихов и романсов не писал, прослыл чрезмерно скромным и молчаливым, дослужился до подполковника, в 31 год прервал военную карьеру и удалился в Михайловское, где обустроил первый музей отца из оставшихся предметов, книги он подарил Румянцевской библиотеке (ныне Российская государственная библиотека в Москве). В имение не раз навещалась «гений чистой красоты» Анна Керн — в гостеприимном доме её хорошо принимали, годами жила ее дочь Екатерина Ермолаевна с сыном Юлием Шокальским, который впоследствии станет ученым с мировым именем, исследователем Арктики и одним из создателей Се-

верного морского пути. Юлий был обязан своим положением бескорыстному меценату Григорию Александровичу за достойное воспитание, хорошее образование и помощь в карьере. Власть, зная затруднённое материальное положение младшего Пушкина, решили выкупить Михайловское поместье и обустроить в нём пансионат для бедных литераторов, — так семья Пушкиных потеряла родовое имение.

Судьба Анны Петровны Керн поражает своей непредсказуемостью. После смерти мужа, страстно влюблённая в юного избранника женщина, отказывается от приличной пенсии, назначенной за умершего генерала Керна, отец лишает её наследства, — она осталась ни с чем. Молодые оформили брак, она сменила фамилию, теперь Марковы-Виноградские жили стеснённо на скудную пенсию мужа, дома своего не имели и скитались по разным углам у родственников и знакомых то в Тверской губернии, то на Полтавщине, то в Киеве, бывали в Петербурге, Москве, в Михайловском, Тригорском. Они прожили вместе почти 40 лет в любви и бедности, из-за нехватки денег Анна Петровна рассталась с дорогими украшениями, однажды решила продать Пушкинские письма и рисунки, — единственно ценное, что осталась у неё от блистательной светской жизни, стихотворение «Я помню чудное мгновенье» где-то затерялось.

Царское Село... Здесь когда-то в лицее учился юноша Александр Пушкин, озаривший русский Парнас высокой литературой. С этим местом связаны последние годы жизни Глинки. Михаил Иванович в 1854 году вернулся из-за границы и поселился в Царском, он пересмотрел партитуру оперы «Руслана и Людмила», увлечённо играл на скрипке, сочинил романс «В минуту жизни трудную» на слова Михаила Лермонтова. К этому времени им написано больше двадцать романсов и песен, восемьдесят произведений для голоса и фортепиано, оркестровую фантазию «Камаринскую» на тему русских народных песен Пётр Ильич Чайковский образно представит «как дуб в жёлуде, в ней заключена вся русская симфоническая музыка». Впечатления от Испании, Италии нашли отражение в увертюрах, сонатах, симфониях, работал он над древнерусскими церковными напевами. Теперь он жил в

оказавшись на краю пропасти, мы поняли опасность ослабления единства народов России и разобщения социальных слоёв, колебания веры, предательства своего Отечества. Одержимые личными амбициями предавали, привели неприятеля в Кремль, присягнули чужому королю, — не все, конечно, предавали, а в пропасть падали — все. В шаге от гибели патриоты страны сумели осмыслить необходимость скорейшей консолидации сил, — тогда мы успели. Успеть бы сейчас. Как жаль, что многие века подвигу народа не придавали значения, не оценили его по достоинству.

30 лет «лихих» 90-х годов, когда мы добровольно разрушили собственное государство, когда свои успехи и победы, всем народом достигнутые, сочли зазорными, вредными, не прошли бесследно. Метастазы проникли во все слои общества. В который раз всё повторилось! Мы не выучили уроки прошлого и вновь оказались на краю своей истории. Теперь самое время вернуть своё самосознание и исправить ошибки. Найдутся ли сегодня Суланины, Минины и Пожарские? Смогут ли новые герои вырвать Россию из лживых и коварных оков чуждого нам менталитета?

В России времена всегда трудные — легко не бывало никогда. Жить в родном Отечестве — не просто, а без него — невозможно. У каждого поколения свои трудности, но есть одна общая цель всех исторических эпох и всех поколений — защита Отечества. Давайте не забывать свой исторический опыт! В единении, в труде и в терпении наша созидательная сила!

*Слава, слава героям — бойцам,
Родины нашей отважным сынам.
Кто кровь за отчизну свою прольёт,
Того никогда не забудет народ.
Будь жив, будь здоров
Весь наш край! Ура!*

Михаил Иванович Глинка

2022–2023 гг.

Пушкин на карантине

Россия не раз встречалась с заразными напастями — с чумой, холерой, тифом, «испанкой», теперь новая напасть — коронавирус; дань новому вирусу мы заплатили огромную.

Как известно, карантинны благотворно влияли на Пушкина, в холерной изоляции 1830 года он провёл всего три месяца в имении отца Сергея Львовича. «Болдинская осень» в творческой его биографии стала наиболее плодотворной.

Как Александр Сергеевич оказался в Болдине? В дар от отца он собирался получить одноэтажный дом в селе Большое Болдино Нижегородской губернии по случаю скорой женитьбы. Пушкин выехал оформлять документы, убежав от холеры.

Старинная усадьба имеет глубокие исторические корни: в XVI веке был известен Евстафий Пушка (Пушкин), которому за ратные подвиги даровано Болдинское поместье. При дворе Ивана Грозного Пушкин занимал пост дипломата, был воеводой города Смоленска, вёл переговоры с польским королём Стефаном Баторием. Право передачи вотчины по наследству подарено было в 1612 году за большие заслуги семейства Пушкиных в освобождении Москвы от поляков.

Приехал Александр Сергеевич в противоречивом расположении духа: с одной стороны тягостное расставание с невестой, с другой — приятные хлопоты по поводу имения и предстоящей свадьбы.

Изоляция и раньше была известна поэту, в 1824 году власти сослали его на два года в материнском поместье Михайловское, где Пушкин создал около ста произведений: он закончил поэму «Цыганы», «Граф Нулин», пьесу «Борис Годунов», начал работу над романом «Арап Петра Великого», глубоко погрузился в «Историю государства Российского» своего старшего друга, историка Николая Карамзина.

Но в Болдине всё было иначе: его угнетало отсутствие знакомых и поэтических встреч, грузом на душе висели ссоры по поводу денег с матерью невесты Натальи Гончаровой, с которой он был помолвлен после вторичного сватовства, — вполне могла расстроиться свадьба, да и писалось в последний год мало, без вдохновения. Изоляция для игрока и искателя приключений — серьёзное испытание. Вспыльчивого поэта выводила из себя сиротливость окружения: в прежде обожаемой осени он увидел скуку, вместо пышности лесов — два куцых дерева с осыпанной листвой, запустение пашен, убогость ветхих, топившихся почёрному крестьянских изб, пожары и беспросветную нищету.

Перед отъездом в Болдино поэт пишет другу Петру Плетнёву — будущему биографу Пушкина: *«осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда <...>. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм...»*. И всё же, не имея душевного спокойствия, поэт создал лучшие свои произведения.

Вскоре выяснилось, что отцу принадлежало не всё имение, а лишь малая часть с 200 душами. Неразбериха с документами, неопределённость долей многочисленных Пушкиных раздражали поэта, он оставил бумажные дела, во владение землёй и крепостными так и не вступил.

В стране в это время набирала обороты эпидемия холеры, которая охватила пол-Европы. Пушкин несколько раз порывался в Москву, но кордо-

ны останавливали, приходилось возвращаться в «свою берлогу», холера — «очень миленькая особа», разлучила влюблённого и невероятно ревнивого тридцатилетнего поэта с красавицей — невестой, за которую «готов жизнь отдать». Запертому в заточении, ему ничего оставалось делать, кроме, как писать. И он писал:

*Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея...*

Страдания от одиночества, страх перед угрозой эпидемии, осознание греховности бесшабашной юности, покаяние и молитва о спасении нашли место в элегантно́й «Элегии»:

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней.
В моей душе чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

Более чем скромный быт он описал в письме к будущей супруге: — *«Пробуждаюсь в 7 часов, пью кофе и лежу до 3 часов (Пушкин любил писать лёжа. Н.М.), недавно расписался, и уже написал прощальное. В 3 часа сажусь верхом, в 5 в ванну и потом обедаю картофелем, да гречневой кашей. До 9 часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо».* Надо же: крестьянская еда — картофель и гречневая каша питали гения.

*«Пушкин в Михайловском».
Художник Пётр Кончаловский*

Или раздражённо: — *«Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, — потому что другого мы здесь не видим... Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба?»*

Бытовало мнение, что эпидемиям подвержено только просто-народье ввиду его «грязного» быта, бедности, недоедания, но страшные известия из обеих столиц говорили о другом — холера косила всех подряд. Пушкин обеспокоился судьбой невесты: — *«Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? Нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы?.. Прощайте, прелестный ангел».*

Портрет Натальи Пушкиной писал Александр Брюллов, хотя Пушкин обращался к Карлу Брюллову. Карл не увидел совершенной красоты в облике Натальи Николаевны и перепоручил работу брату. И как получилось!

Порой писал сердито: — «*Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злуюсь. Не знаю, что делается на белом свете.*»

При всей своей сердитости, Пушкин, как никогда, много пишет: за три месяца 32 стихотворения, серия статей для «Литературной газеты», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», завершает работу над «Евгением Онегиным».

Болдинский карантин не только спас поэта от вероятности подхватить грозную болезнь, но и открыл нового Пушкина.

От холостяка — весёлого гуляки, не осталось и следа: миру явился великий русский писатель, глубоко знающий жизнь; теперь его произведения теряют магию романтизма, подражания

обожаемому Байрону, а есть чума, холера, убогость крестьянского быта, беспросветность жизни маленького человека — станционного смотрителя, большая детская смертность, страдания и гнев доведённых до отчаяния людей, с которыми он общался в Болдине, — всё это реальная жизнь. В крестьянских избах поэт искал новые сюжеты, сказки и народные предания, а нашёл школу жизни. Теперь он смотрел на мир глазами быстро повзрослевшего человека, зрелого писателя.

В конце ноября 1830 года карантинные оцепления отменились, Пушкин покинул Болдино и через неделю был в Москве. Холера прошла мимо семьи Александра Сергеевича, следующей весной они с Н.Н. Гончаровой обвенчались.

Но холера из России не ушла, через год она вспыхнула с новой силой. Пушкин пишет важное замечание в своём в дневнике: *«В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями...»*. Что характеризует его зрелый ум и равнодушное отношение к происходящему.

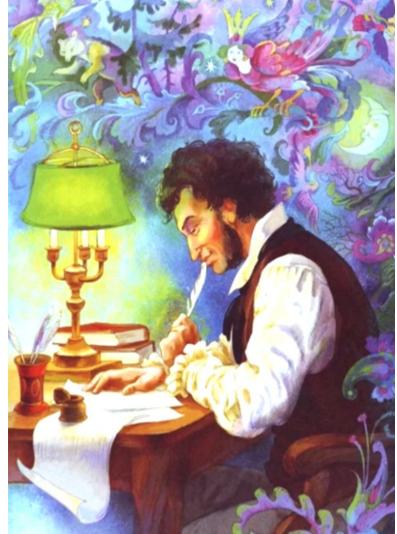
Новых карантинных заточений у Пушкина не было, он ещё два раза бывал в Болдино, но превзойти творческий взлёт холерного 1830 не получилось, через шесть лет с ним случилась беда, страшней холеры. После роковой дуэли 10 февраля (29 января по старому стилю) 1837 года русского гения не стало. *«Угас, как светоч, дивный гений, / Увял торжественный венок»*. (М.Ю. Лермонтов).

2020, 2023 гг.

В сказке ложь, да в ней намёк...

*Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей.*

Александр Сергеевич Пушкин

В сказке ложь, а в ней намёк, добрым молодцам урок, — говорится в народе. «Золотой век» русской литературы возродил сказочное творчество, появилось много переработанных под современное восприятие мира детских сказок. Русские писатели исключили из старинного народного творчества жестокость, насилие, грубость, сказки стали весёлые, познавательные, лёгкие для детского восприятия, и всегда заканчивались победой добра над злом. Не обошёл сказку и Пушкин, — всё его творчество пронизано народным духом. Друг Александра Сергеевича — Владимир Даль — свою литературную деятельность начал с издания «Русских сказок». Но книга вызвала недовольствие властей, писателя арестовали, а книги уничтожили. Благодаря заступничеству Василия Андреевича Жуковского, всё окончилось благополучно, его выпустили, но писать сказки запретили. Владимир Иванович стал врачом, но сказочником быть не перестал, автор «Словаря живого русского языка» издавал свои книги под псевдонимом Казак Луганский. К счастью, уцелели припрятанные пять экземпляров, один из них недавно на аукционе продали почти за 1 млн руб.

Даль лично вручил Пушкину экземпляр «Русских сказок». Книга настолько вдохновила Александра Сергеевича, что он откликнулся «Сказкой о рыбаке и рыбке». Зачинщику сказочного творчества Владимиру Ивановичу он вручил рукописный вариант «Сказки о попе и работнике его Балде» с автографом «Твоя от

твоих! Сказочнику Казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин». Поэт написал пять стихотворных сказочных произведений.

Дружба «сказочников» продолжалась до конца жизни. Владимир Иванович сопровождал Александра Сергеевича по местам пугачевского бунта Оренбургской губернии, когда Пушкин собирал материал для «Капитанской дочки», в это время Владимир Иванович служил там чиновником особых поручений. Даль пытался спасти Пушкина от смертельной раны, полученной в роковой дуэли. Он до последней минуты был возле умирающего Пушкина. Александр Сергеевич подарил ему золотой перстень — талисман с изумрудом со словами: — «Бери, друг, мне уж больше не писать». После кончины Пушкина супруга его Наталья Николаевна передала Далю на память о друге пробитый пулей сюртук...

Кто она – Баба Яга костяная нога?

Ну, какая сказка без Бабы Яги? Коварная старуха заманивает к себе добрых молодцев и непослушных детей, чтобы их съесть, зазывает заплутавших путников в глухом лесу, те и теряются на

топких болотах. А коль зайдёшь в избушку на курьих ножках, так и век не выберешься, — беги, пока цел. Но всё заканчивает хорошо, все целы, живы, невредимы.

Какую роль играет в сказке вредная и коварная бабушка? Для чего наши далёкие предки придумали страшилку про старушку с костяной ногой? Какие качества формирует у ребёнка русская народная сказка?

В советских фильмах Баба Яга в исполнении замечательного Георгия Миллера была любимицей детей и взрослых, — хитроумная старушка старалась всем навредить, а получалось — всех рассмешишь, — добрый молодец всё равно её перехитрит. На самом деле, её образ имеет глубокие и не такие уж благостные корни. В народном фольклоре древняя старуха представлялась как зло, как страшная сущность, — одной ногой — окостеневшей — стоит она в мире мёртвых, а другой ногой —

в мире живых. Распушенные седые волосы указывают на связь с загробным миром. Жуткая Баба хоть обликом и человек, а суть её — потусторонняя. Персонаж древнеславянской мифологии изначально выглядел как уродливая старуха со змеиным хвостом, наделённая магической силой, она и ведьма, и колдунья, стережёт вход в подземный мир, провожает души почивших в царство мертвых. А избушка на курьих ножках без окон и дверей — это сторожевая застава между миром живых и мёртвых, и стоит она на костях и черепах человеческих. Жуть!

Непонимание окружающего мира, неумение объяснить явления природы, страх перед смертью рождали мифы о сверхъестественном. Многие народы ставили каменных Баб, как символ праматери, — им поклонялись. В древнерусском народном творчестве — Баба — глава рода — главная мать; Яга — это

огнь — огонь — концентрация энергии. Она — изначальная божественность, повелевающая Временем, Огнём, Воздухом, Лесом, Дикими зверями и птицами, Жизнью и Смертью, Судьбами людей, она Хранительница границ царства смерти!

В очень старой сказке «Иван-царевич и Марья Моревна» Яга Ягишна живёт за тридевять земель, в тридесятом царстве, возле моря с огненной водой, владеет табуном славных кобылиц. Она мать трёх царственных дочерей и Змея Горыныча, которого убивает герой сказки.

Благодаря русским писателям — современникам Александра Сергеевича Пушкина и их последователям, злые старухи из сказок исчезают и появляются Бабки Ёжки — добрые помогайки — дарительницы, воительницы, не такие уж чуждые миру живых. К такой бабушке — дарительнице — целительнице герой сказки сам идёт за помощью, и подарит она ему добрый совет: — «ступай по тропинке, и дойдёшь до пруда, спрячься за деревом и жди» («Василиса Премудрая»). Или подарит волшебный предмет, чтобы воину превозмочь трудности и одолеть неприятеля: то меч-коладенец, то кота — скорохода, то санки — самозванки, то клубок ниток — самокруток.

А если дарить нечего, то обратится она за помощью к силам природным — к ветру, к ночи, к зверям лесным, к братьям своим — лешему и к лиху одноглазому, и к кикиморам хитрым. А уж если и те не помогут, тогда к сестрице своей старшей — косяной, премудрой. А вот к солнцу никогда не обратится, — яркого света она боится.

Идёт дорогой дальней отважный молодец — из плена девицу — красавицу вызволять, людей заколдованных расколдовать, злодея лихого побеждать, а навстречу ему — Баба Яга в ступе летит, помелом рулит, знает, что простой человеческой силушкой

с лиходеем молодцу не справиться. Зовывает она касатика к себе в избушку на курьих ножках, в заколдованный мир чудес. Но наш герой — смекалистый, — себе на уме, — прежде пусть хозяйюшка его накормит, напоит, в баньке помоеет, спать уложит, а потом уж и расспрашивает. Старушке нравится смелый юноша, — она и накормит его, и напоит, и в баньке помоеет, а потом уж и расспросит.

Входит Иванушка в избушку, а Баба Яга ему и говорит: — «Фу, фу, фу! Русским духом пахнет!» А то скажет: — «Фу, фу, фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится» («Иван Быкович»).

Чем же пахнет добрый молодец, каков он — русский дух? Баба Яга видит плохо, слышит и того хуже, а только нутром своим запах чувствует. Чем настораживает её этот запах? А тем, что живёт она на краю царства мёртвых, а пахнет он — живым человеком. И тут начинается колдовство — идёт молодец в баньку, да не в простую — в заколдованную, — чтобы смыть с себя дух живой, чтобы чары потусторонние на него подействовали, наделили силушкой богатырской. В

стародавние времена был обряд такой — омовение юноши, — материнский запах смывается, он от матери отрывается, мужчиной становится. А потом гость желанный за стол садится, бабушкину стряпню вкушает, нахваливает, — и опять колдовство — от всего земного он очищается, волшебными дарами насыщается, они-то и помогут добру молодцу нечистую силу победить.

И Баба Яга теперь не кажется такой уж злой и коварной. И живёт она вроде по-людски, домашний очаг поддерживает — дровами печь топится, в чугушке белые грибы варятся, в сковородке — мухоморы и поганки с лягушками жарятся, на столе деревянные миски с ложками, возле печки — ухват, кочерга, пестик, помело, тесто в бочке посреди избы поднимается, на крючке овчинный тулуп пылится, берёзовым веником домик чистится, на насесте петух с курами куролесит, кот мурлычет, мудрая сова ухает, в углу ступа с клюкой дожидаются, на старушке платье с фартучком да с кармашками, на голове платочек беленький повязан. Как не умилиться старушкой? И становится демоница щедрой дарительницей, — готовит она бесстрашного героя к непомерным для человека испытаниям. Идёт доблестный воин, наделённый небывалой богатырской силушкой, на войну с нечистой силой, на большое дело, на подвиг ради жизни на земле, — Дракона — Кощея бессмертного побеждает, от всякого зла — от беды людей вызволяет. Вот как в русской сказке бывает!

Игнорировать старинное былинно-сказочное творчество не стоит — из поколения в поколение несёт оно потомкам секреты жизни наших далёких предков, — сколько на земле бед было, сколько народов в грозных баталиях исчезло с лица земли? — не счесть. А наш народ всё вынес, выстоял и будет стоять в веках, и в сказках, и наяву. Чем глубже история народа, тем шире народная память — тем дольше длится Век.

Русская сказка формирует у ребёнка представление о добре и зле, справедливости, сострадании, милосердии, укрепляет волю, наделяет уверенностью в свою страну, учит дорожить родовыми корнями. В русских сказках нет надуманного геройства ради личной выгоды — славы, а есть любовь, терпение, взаимовыручка, жертвенность на общее благо. Воспитанный на народном творчестве ребёнок ощущает себя наследником большой истории своего народа и становится бесстрашным защитником его, способным противостоять всем напастям на земле; он понимает себя героем, смело открывающим двери не только сказочную избушку на курьих ножках, но и в будущее.

Мышиная возня у подножья памятника

Александра Пушкина

Кто бы мог подумать, что наступят времена, когда придётся защищать Александра Пушкина? Времена такие наступили. За последнюю треть века в России разрушено всё, что может рушиться. Казалось, предел порухи пройден. Ан нет.

Автор сенсационного очерка «Немой Онегин», опубликованного 3 октября 2017 года в «Московском комсомольце», А. Минкин затеял мышиную возню у подножья нерукотворного памятника русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Журналист всколыхнул угасающий к нему интерес и достиг желаемого — теперь о нём много говорят, пишут... Видать, жало зависти к мировой славе Александра Пушкина пронзило сердце Александра Минкина, который, как говорится, «я ни Пушкин, ни Крылов, не могу писать стихов».

Вывернуто наизнанку «грязное бельё», которое имеет место быть у любого человека — самого обыкновенного или гениального. Журналист не поленился покопаться в нечистотах и вытащить на свет самое худшее, неприличное, пошлое, что могло быть в жизни и творчестве Александра Сергеевича. И Онегин, оказывается, не такой, как надо, и Татьяна — шлюха. Неужели для поэзии так важно: сколько лет молчит Онегин и с какой скоростью бежит по саду влюблённая барышня Ларина, ломая кусты сирени и цветы? Да пусть она бежит, как хочет, навстречу своей любви! Разве в поэзии это главное? Поэту было всего 24 года, когда он начал писать «Онегина»! Читателю от тухлого зловонья очерка А. Минкина становится до тошноты погано, так, что хочется бесконечно мыть руки.

Но только бы это... Несомненно, что это заказ, очень похожий на те вбросы, которые обозначаются заказом западных спецслужб. И направлен этот заказ не только против основоположника современной русской литературы: подлая подножка поставлен-

на всей русской литературе, а значит, и русской культуре, в основе которой лежит служение идеалам человечества.

— *Посмотрите, какой мерзости вы поклоняйтесь*, — навязчиво намекает нам автор очерка.

— *А раз такое ничтожество и абсолютную бездарь вы считаете гением, то и вся ваша поганая русская литература такая же мерзопакостная, как, впрочем, и весь русский народ, а значит, чтить и уважать просто некого*, — читается между строк.

Вы думаете, А. Минкин первый в когорте злопыхателей поэта? Нет, их было много и при жизни, и после. Где все они, завистники, моралисты, непримиримые критиканы? Растворились на задворках поэзии, утонули в выгребной яме третьесортной литературы. А Пушкин остался на века! Автор очерка хотел «искупаться» в лучах чужой славы, разгромив по всем статьям жизнь и творчество кумира миллионов, а вместо этого «испоносился» зловонными дрызгами и завяз в них у подножья памятника гения, стоящего, — по словам В. А. Жуковского, — на первом месте русского Парнаса. Что ж, каждый выбирает по себе...

Вот так выбивается почва из-под ног неустойчивого поклонника русской литературы! Вот так трещит пощёчина по образу русской культуры! В сознание людей вброшено сомнение, издёвка, запачкано имя носителя русского духа, того, кто никогда не предавал Россию и был верен ей до конца жизни.

Как ведёт себя враг в чужой стране? С уничтожения памятников национальной культуры — традиций, религии, литературы. На что направлено варварство завоевателя? На вытравливание исторических и культурных корней народа, на истребление его достоинства и самосознания. Именно так, как ненавистник всего русского позиционирует себя журналист Минкин.

Никто и не говорит, что Пушкин — икона, он допускал творческие оплошности, грешил: возможно, кого-то предавал, презирал, сквернословил, говорил непристойности, «брюхатил», — как он сам выражался, девушек, «как говорится по-русски — ходил по бабам» (А. Минкин). Можно подумать, что немецкий или французский мужик не ходит по тем же адресам. Да, Пушкин — не Христос, не ангел, не святой апостол Павел, он вёл себя не

всегда достойно, — ничто человеческое ему не чуждо. В нём сочеталась африканская пылкость и русская бесшабашность, он умел страстно любить и страстно ненавидеть.

Ничего нового не открыл А. Минкин: нам давно всё известно. И что теперь? Отречься от великого соотечественника, облить помоями, перестать чтить, взорвать монумент на Тверской, сравнивать с землёй родовое поместье или выкинуть из гроба? Соотечественники давно простили поэту его слабости. Или от русского народа опять требуется покаяние?

Прошло 225 лет со дня его рождения. В горниле истории давно истлело «грязное бельё» Александра Сергеевича. Потомкам осталось богатое наследие — могучее СЛОВО русского гения. Давайте будем наслаждаться лучшими творениями Пушкина — *поэта!*

P.S.

В конце 2017 года А. Минкин в культурном центре собрал своих поклонников по поводу «Немого Онегина». Зал бурно благодарил своего кумира за «бессмертный» труд: — наконец-то нашёлся герой, честно и смело развенчавший навязанный образ не великого не русского не гения. Минкин зачитал самый безобидный фрагмент из очерка «Мышиная возня...» и заявил, что

ни один из так называемых почитателей Пушкина не заступился за классика русской литературы. Исключение составил единственный отклик журналистки Н. Морсовой!

Неужели и в самом деле больше никто не заступился за Пушкина? Выходит, Минкин прав?

Минкин опубликовал в интернете ответ в котором представил автора очерка Наталью Морсову у барьера с мироточащим бюстом Пушкина!? Спасибо и на том.

Ноябрь 2017, ноябрь 2023.

Журнал «Наш современник» № 1 за 2018 год опубликовал очерк Натальи Морсовой «Мышиная возня у подножья памятника Пушкина» и сделал свои комментарии:

«Открыли мы текст Минкина.

"Давайте почитаем так, будто это репортаж из сегодняшней газеты".

Вот и весь ответ. При всём обилии цитат из мемуаров и писем. Минкин не читает — Минкин вычитывает. И на вычитанном отбивает злобную чечётку.

"Писал не профессор, а молодой повеса и хулиган".

"Главы выходили с интервалом в месяц, а чаще в годы. Похоже на издевательство".

"Автор валяет дурака".

"Это даже не учебник, это энциклопедия растлителя".

"Герой романа (да и Автор) о целомудрии и правдивости знал не больше, чем обезьяна о симфонии".

Пожалуй, хватит.

Ни о времени, ни о нравах тех лет, ни об атмосфере эпохи сей новоявленный "пушкинист" не имеет ни малейшего представления. При всей кажущейся начитанности.

Читать "Евгения Онегина" как сегодняшнюю газету такому типу гораздо легче. Сподручнее. Только никогда такие "читатели" не возьмут в толк, что до настоящего понимания Пушкина надо ещё дорасти».

Отворите мне книжку,
Дайте мне серебристый,
Кепи...

Ч
С
Н
М
В
А
З
Ч

И в книжном терент своем,
Зобрый конь в земном поит
Тер...
Скаг...
Кво...
...распустив...

**Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.**

Одинок я — кроткая отрада:

Михаил Лермонтов

За маской мятежного «Мцыри»

210-летию Михаила Лермонтова посвящается

3(15) октября 1814 г. — 15(27) июля 1841 г.
(основано на воспоминаниях современников)

Узник исполинского духа

«Львиная натура, страшный и могучий дух!.. огненная душа, демонский полёт, страшный и могучий исполинский дух поражает своей мощью», — говорит В.Г. Белинский о Лермонтове.

«Его пламенная душа рвалась из оков, которая готова стать диким зверем, змеей, только чтобы быть свободной. Какие грызущие душу терзания! ...И даже в пороках его что-то великое, как молния в чёрных тучах!», — А.И. Герцен.

Счастье быть другом Лермонтова и несчастье — попасть на его острый язык. И причиной тому — не только его гениальность, — детские и юношеские душевные раны печатью боли отразились на его судьбе; трагическая маска не сходила с лица «мятежного мцыри», — так назвал его В.Г. Белинский.

«Я — сын страдания», «сухой пень, ненужный на пиру чужом», — говорит о себе Лермонтов; — всё предвещает конечность рода.

Отец, Лермонтов Юрий Петрович, — герой войны двенадцатого года, отставной майор, не нашёл достойное место в послевоенном обществе и от ненужности своей потерялся. Мать Михаила, Мария Михайловна, утонула в слезах, угасая после трёх лет супружества от скоротечной чахотки, — она не смогла пережить измены своего мужа, который не стеснялся вступать в неразборчивые связи с прислугой, с няней своего сына. Ребёнок родился, в целом, здоровым. Но, почему-то, акушерка, принимавшая роды,

Портрет Лермонтова в детстве

*Арсеньева Е.А.,
бабушка М.Ю. Лермонтова*

изрекла, перепугав всю родню пророческим видением, — этот мальчик не умрёт своей смертью. С раннего детства ребёнок был свидетелем семейных скандалов, рос нервным и недолюбленным. Мать умерла, когда ему не было трёх лет. Бабушка Елизавета Алексеевна после смерти дочери не отдала мальчика отцу, не столько ввиду вредности своего характера, сколько ввиду недостойного его поведения — любил карты, вино и женщин, имел крупные карточные долги. Вексель на 25 000 рублей остудил отцовские чувства Юрия Петровича, и он отбыл в своё имение.

Знакомые отмечали терпеливость и добросердечность Елизаветы Алексеевны, а не злобную «салтычиху», — как обычно её представляют. Современники вспоминают, что крепостной лакей Ефим Яковлев очень усердствовал, когда вёз госпожу в повозке, и при каждом удобном случае вываливал её в снег из мести за то, что та разлучила его с любимой девушкой, — так и прожил он всю жизнь бобылём. По доброте душевной, за шалости она его не наказывала. Пожалуй, ей са-

мой нравился рослый и красивый мужик, — она держала его в кучерах. Брат Елизаветы Алексеевы был убит в Персии вместе с Грибоедовым. Мужа женщина потеряла рано — в 37 лет — в Рождество, после домашнего спектакля «Гамлет», в котором Михаил Васильевич играл роль могильщика. Вспоминают, что в ве-

сёлом расположении духа он посадил дочку Машу на колени, обнял жену и стал прощаться. Все восприняли за шутку. Через полчаса его обнаружили в соседней комнате повешенным?!

Воспоминания Лермонтова прочитать невозможно, скорее всего, их и не было — молод ещё, а многие рукописи утеряны. Но всё можно понять в его произведениях. Только годы спустя в печати появились первые воспоминания оставшихся в живых друзей — Жуковского, Раевского, Вяземских, Карамзиных, Столыпиных, короткие, крупными мазками, с оглядкой на цензуру. Непонятый обществом, душевно одинокий, юноша рано узнал царский гнев и «царскую любовь», — за него никогда не заступались влиятельные друзья, в то время, как за Пушкина знатные покровители стояли горой. В чём же дело? Безобидный для родовых дворянских семей Пушкин был не опасен, а необузданного в страстях Лермонтова побаивались. И родились строки: — «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...». В нестройный хор друзей Лермонтова влились голоса сослуживцев по Кавказу, среди них — ссыльные декабристы, князь Одоевский оставил достоверные воспоминания о поэте. И только через четверть века передовая часть общества узнала некоторые подробности из жизни и смерти Лермонтова.

Категоричность суждений непримиримого «мцыри» не позволяла ему отвлекаться на байроновский или шекспировский лирический слог, как это умел делать Пушкин. Он мечтал заняться издательской деятельностью, искал способных на решительные действия единомышленников, — и не находил. Герцен объяснил это так: — «Он был не дома в мире мёртвых душ». Со временем залегла пропасть между мировоззрением Лермонтова и аристократическим окружением. Он не имел закадычных друзей, а со временем перестал доверять свои тайны даже приятелям. Но, порой, выдавал такую откровенность, что до крайности смущал окружающих. Слишком рано ушло его детство, а с ним ребячество и беспечность, на смену пришёл подростковый максимализм, скептицизм, созревшие до безжалостности, с которыми справиться он так и не сумел. Сам безмерно страдая, боролся с собой и насыщал автобиографичностью образы литературных

героев; каждое его произведение дышало трагизмом собственной судьбы, кричало, звало на помощь, он томился невозможностью применить свои уникальные способности.

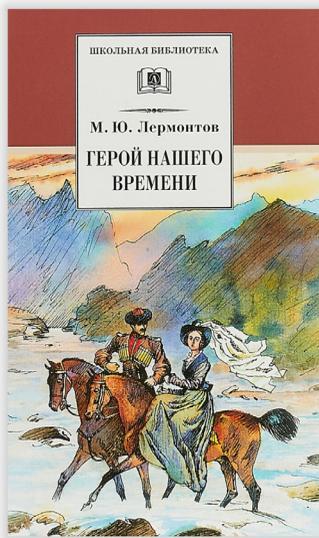
Сокурсники по московскому университету Белинский и Герцен оказались куда более смелыми и правдивыми мемуаристами, чем родственники и близкие. «Какая образность, какая музыкальность, сила и крепость в каждом стихе», — пишет В.Г. Белинский. Долгое время литературный критик никак не мог совместить насыщенность литературного творчества Лермонтова с безрассудным его поведением. Но, посетив однажды опального поэта, находящегося под арестом за дуэль с сыном французского посланника Де Баранта накануне второй ссылки, он заметил, как наигранная маска злобы неожиданно сменилась необыкновенной теплотой во взгляде и откровенностью, невероятно поразивших Белинского. К слову сказать, — дуэль с французом состоялась 18 февраля 1840 года на том же месте, где Пушкин в 1837 стрелялся с Дантесом — на Чёрной речке! Публицист Белинский был крайне удивлён, когда Лермонтов, с пылающими от волнения щеками, вдруг страстно заговорил — о западной литературе, об ущербности и несвободе русской литературы. «Печально я гляжу на наше поколение», — скажет поэт. Белинский понял: — раздражительность мятежного духа вызвана удушающей сферой жизни высшего света, изменить которую невозможно, — Михаил говорил о язвах общества, о необходимости его реформирования. «Может быть, он пока уступает Пушкину, но добыты со дна глубочайшей и могущественной его природы исполинский взмах и демонский полёт!», — пишет Белинский. Стало понятно, что Лермонтов совсем не тот, за кого себя выдаёт, — а пытливый и тонкий философ и филолог, хорошо разбирается в творчестве Байрона, Купера, Вальтера Скотта, читает их в подлиннике, что, прикрываясь байроновским плащом цинизма, который делает его отвратительным, он прячет нежную и ранимую душу. И чем больше Белинский узнавал натуру Михаила Юрьевича, тем более понимал, что тот стоит значительно выше окружающего его общества, что его душат незыблемые рамки. Критик восхищён мощным напором нарождающегося гения: — «Тут нет легковес-

ного похмелья, ни сладостного безделья, ни лени золотой, ни вина, ни шалостей Амура». И далее: — «Я перед ним благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества... Эта огненная душа, исполинский дух, он поражает своей мощью... Львиная натура, страшный и могучий дух!»

В циничном и трагичном образе Печорина современники слышали исповедь самого автора и насторожились — с ним искали встреч, но близко не подпускали. Николай I тоже всё понял, остался недовольным «Героем нашего времени» и посчитал произведение вредным и опасным для общества.

Да и как может понравится герой, разрушающий всё вокруг себя, заплетающий любовные интриги ради забавы? Его душа пуста, он никого не уважает, играет судьбами людей, влюбляет в себя молодую княжну Мери с целью подразнить своего друга Грушницкого, а потом жестоко отказывает ей после признания в любви, сам оставаясь совершенно равнодушным, не жалея разбитого сердца девушки; да и все герои произведения испытывают душевные потрясения от общения с Печориным. И сам мучитель безмерно страдает.

После гибели поэта Белинский скажет: — «Всё это заставляет думать, что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина!». А.И. Герцен также переменял своё отношение к Лермонтову и стал по крупинкам собирать знание о нём. Он сумел проникнуть в душевное состояние поэта, один из немногих, философ увидел душевную боль его и страдания, спрятанные под «ледяной оболочкой». И почувствовал дух борца — одиночки, «равный духу Ивана Великого!» Но тогда к провидческим словам мастеров слова никто не прислу-

шался. И только, спустя годы, после серии публикаций, многие задумались о масштабе личности поэта.

Долгое время Лермонтова видели порочным баловнем судьбы, желчным и злобным ненавистником людей. Но что прячется за маской сарказма? Не нашлось художника, который сумел бы распознать и выразить на холсте душу поэта, за исключением полкового товарища Меликова П.Е. Художник вспоминает: — «Приземистый, маленький ростом с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза ... производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они были ужасны».

Редкий ум, широкую эрудицию отмечали все, кто соприкасался с поэтическим, музыкальным и художественным творчеством поэта, на одном дыхании он переводил Гёте. Но, даже в минуты веселья, глаза оставались злыми, а выражение лица — напряжённым и жёстким. Хочется думать, что современники ошибались, не злость, а душевная рана отпечаталась на лице трагической маской страдания, которая никогда не исчезала с его лица, словно приросла навечно, будто несёт он в себе все беды человеческие. А может быть, и в самом деле так? «Скрипя сердцем», ему прощали колкие шутки, шалости, ядовитые клички. Но однажды его легковесность натолкнулась на уязвлённое самолюбие товарища по службе Мартынова. И случилось непредвиденное.

Однако, сказать, что Лермонтов только и знал, что затравленным зверем из-за угла подглядывал за «сливками общества», без конца злился и ненавидел людей, как это часто преподносится, — будет неверно. Он жил в обществе, к которому принадлежал, поселился, влюблялся, бывал нежным и застенчивым, озорничал, наслаждался жизнью. И этому есть пример в воспоминаниях приятеля и секунданта князя Васильчикова, указывающего на «раздвоение» личности поэта; тот писал, что часть своего времени Лермонтов посвящал чему-то серьёзному: чтению, писательству, сочинению стихов, а иногда занимался такими шалостями, какие могут прийти в голову только пятнадцатилетнему школьному мальчику. И приводит пример, — если подадут какое-то блюдо,

он первым бросается к нему с вилкой, выхватывает лучшие куски и быстро съедает их. Или, — проезжает мимо какой-то стихотворец с бочонком свежепросоленных огурцов, Лермонтов приглашает его к себе, гость угощает и начинает читать свои стихи, а Лермонтов в это время съедает половину огурцов, а другую запихает себе в карманы и убегает, оставляя гостя в полной растерянности. Чем не озорник?

Осенью 1838 года он тоже пошалил, когда явился на парад в Царском Селе с короткой сабелькой, за что попал на гауптвахту. Бабушка обивала пороги, спасая непутёвого внука от наказания. Саблю он любил и часто применял. А больше всего любил Пушкина. Читал его стихи и плакал. Поплачет от избытка чувств, поплачет, а потом вытащит сабельку и давай рубить подушки. Тут уж, собачонка или курёнок, не попадись под руку — зарубит.

И он же храбрый воин. Как вспоминает современник — историк Тенгинского пехотного полка Д. Ракович: *«Лермонтов был командиром отряда разведчиков... Эта команда головорезов, именованная «лермонтовским отрядом», рыская впереди главной колонны войск, открывала присутствие неприятеля, как снег на головы сваливаясь на аулы чеченцев... Лихо заломив белую холщовую шапку, вечно растегнутом и без погон сюртуке, изпод которого выглядывала красная канаусовая рубаха, Лермонтов на белом коне не раз бросался в атаку на завалы. Минуты отдыха он проводил среди своих головорезов и ел с ними из одного котла, отвергал излишнюю роскошь, служба этим для своих подчиненных лучшим примером воздержания».*

Единственным милосердным и терпеливым Ангелом — хранителем Михаила Юрьевича была его бабушка. Известие о гибели внука сразило Елизавету Алексеевну — её хватил удар (инсульт), — отнялись ноги, глаза её закрылись от слёз, она поднимала веки пальцами, чтобы видеть опустевший мир, тело обожаемого внука она перевезла в Тарханы и захоронила в семейной усыпальнице. Оставшиеся четыре года жизни готовилась к встрече с ним, отдавая все силы и средства на благотворительность. После её смерти усадьба по завещанию перешла младшему брату — Алексею Столыпину с неизменным условием — оставить

комнаты внука в мезонине нетронутыми. Со временем дом перестроили, но внутреннее убранство мезонина осталось прежним, здесь личные вещи поэта, мебель, посуда, оружие, военная форма, иконы работы Лермонтова-художника, портреты родственников.

Потомки сохранили роскошный парк, вяз, под которым поэт когда-то мечтал. Липовая аллея несёт в себе былую память, за двести лет липы возмужали, крепкие и статные, словно стражники на посту, они охраняют колыбель ушедшего в бессмертие поэта.

С обложек книг смотрит он трагически-пылающим взором, как будто только он один знает правду жизни, оставаясь навсегда неразгаданной тайной.

И всё же, попробуем разгадать: — одинокий ангел с открытым и чистым сердцем ищет согласия с миром и не находит; ведомый роком греха и, вместе с тем, гениальный, обиженный и безмерно страдающий, он изгнан из рая, низвергнут с небес; разочарованный странник, бунтарь и мятежник добровольно облачается в маску демона, обрекая себя на вечные скитания между небом и землёй.

*Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты;
Где преступленья лишь да казни;
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить...*

Более точно о себе скажет сам Михаил Юрьевич: — как на ладони, его судьба. Мчится он — одинокий странник — на путе-

водный огонёк, где теплится ещё любовь, он ещё может чувствовать, видеть красоту, отречься от мести, от лести и служить добру и даже влюбиться, надеясь на счастье, — его горькая слеза прожигает камень: — «Хочу любить, хочу молиться, — / Хочу я веровать добру».

*И мчался путник одинокий,
Обманут близким огоньком,
И, в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне.*

Но пред ним разверзлась бездна, огонёк погас, надежда рухнула, любовь ушла. И теперь ему, презренному и отвергнутому, с пустынной душой, остаётся только стать вселенским злом и губить всё доброе на корню. И вновь он тот, кем был и раньше, и снова одолевает скука — и в небе, и на земле: —

*Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет;
Я тот, кого никто не любит,
И все живущее клянет.
Ничто пространство мне и годы;
Я бич рабов моих земных!
Я царь познания и свободы
Я враг небес, я зло природы.*

«Моя душа чудесного искала...»

Шёл 1840 год. Над осенним Петербургом сумрачное небо, накрапывает дождь, столица в туманной дымке. В Доме Карамзиных собрались друзья проводить в дальнюю дорогу изгнанного на Кавказ Михаила Лермонтова. Это вторая его ссылка, первая — за стихотворение «Смерть поэта» — по случаю гибели Александра Сергеевича Пушкина, которого он боготворил. Благодаря хлопотам бабушки и заступничеству самого Бенкендорфа, поэта возвращают в Петербург. Но ненадолго, и вот опять наказание. Друзья разговаривают по душам, кто знает — может быть, в последний раз, — строптивного, неуёмного поэта отправляют на верную гибель.

Михаил Юрьевич, тронутый вниманием друзей, стоит у окна, вглядываясь в ползущие над Летним садом тяжёлые тучи. И рождается стихотворение «Тучи», пронизанное чувством тоскливой тревоги:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.*

В тот же день он прочтёт продолжение «Демона», над которым работает десять лет: —

*На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...*

«Слёзы текли по его щекам, — вспоминает Владимир Соллогуб, — все бросились хвалить Михаила Юрьевича, на что он ответил, что у него мало остаётся времени и его скоро убьют».

Чем вызвана новая ссылка? Зная презрительное отношение поэта к французским посланникам после гибели Пушкина, сплетники и интриганы помогли вспыльчивому Лермонтову поспорить с сыном французского посла де Баранта. Состоялась дуэль. У

Лермонтова сломалась шпага, принесли пистолеты, он стрелял, не целясь, француз промахнулся. Всё закончилось примирением. Военный суд признал его виновным.

В начале 1841 года во время краткосрочного отпуска Михаил Юрьевич является на великосветский бал и попадает на глаза царю. Николай требует немедленной высылки Лермонтова из столицы. Поэт просит отставки, ему отказывают. На прощание зловеще звучат слова царя: «Счастливого пути, господин Лермонтов...». Этот путь оказался последним — до Пятигорска...

Поэт вновь покидает Петербург и вновь прощается с Родиной. Его перу приписывают стихотворение, не обнаруженное в прижизненном сборнике сочинений:

*Прощай, немытая Россия
Страна рабов, страна господ
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ!
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.
1841 г.*

Лермонтову скучно в скучном обществе, он осознаёт своё предназначение, ждёт перемен, ищет способы стать полезным России. Но его игнорируют.

Где найти выход из безвыходного положения? — Доведённый до отчаяния, он решает покинуть «ненавистную сферу судьбы» (И.С. Тургенев), и дуэль тому — прямой путь, к которой он относился играючи. В Пятигорске у подножия горы Машук 15 июля 1841 года «играючи» состоялась его последняя дуэль. Мартынов — обиженный, оскорблённый — целился прямо в грудь.

Десятью годами ранее Лермонтов отправляет тревожный послы тоскливого одиночества:

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..*

*Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*

А следом летит сигнал душевного бедствия: «*Никто не дорожит мной на земле, / И сам себе я в тягость, как другим*»; А потом: «*выхожу один я на дорогу*», — и везде один, и опять в поиске.

Лермонтов сам разобрался в причинах своих несчастий, неразделённых чувств, непонятых страстей: — «*А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!*» — корень мук — в нём самом — мятежном, ищущем бури и потрясений.

*Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.*

И вот величественный Кавказ, пленивший Михаила Юрьевича ещё в детстве своей дикой первозданностью, — ему посвящены трогательные стихи и рисунки. Лермонтов храбро сражается, то на перекладных, то верхом исследует горы, ночует в чистом поле, засыпает под вой шакалов. С досадой и раздражением переживает своё изгнание и завидует тучам, лишённым страстей и пороков, равнодушным к мирской суете. Ему хочется

стать значимым, его не понимают и гонят, его «душа чудесного искала», а любви нет и нет единомышленников. Он безмерно любит Родину и тоскует, — если нет любви, то и тоски нет. Он

неуютно себя ощущает в мире лжи и притворства, натывается на холодных, безжалостных, равнодушных людей, у которых нет жизненных целей, им не привито чувство Родины.

Как с таким обществом примирить свой талант, широчайшую эрудицию, ранимую до болезненности душу, неуёмную энергию? Он становится заядлым дуэлянтом, дебоширом, конфликтует с кем придётся, лишь бы привлечь к себе внимание и рассказать, как он одинок. Гордыня, обидчивость, обострённое чувство справедливости дают ощущение своего превосходства. Похоже, он сознательно ищет смерти, которая сбросит оковы тягостного существования и разрешит всё разом. Только смерть разрубит запутанный клубок пороков и страстей, распутать сам он не в силах, — они управляют его судьбой. И в то же время, он не хочет умирать, любит жизнь и будто бы наслаждается своими страданиями, — его пылкое, не «холодное» сердце стучит. Теперь пусть завидуют тучи — не способные испытать человеческие чувства.

Столпы русской литературы заметили Лермонтова после его скандального стихотворения «На смерть поэта», все они — друзья Пушкина — приняли стихотворение с большим вниманием. Следом вышла мощная патриотическая поэма «Бородино», восторженно встреченная светом. В.А. Жуковский познакомил молодого поэта с П.А. Вяземским, а тот с семейством Карамзиных. Так Лермонтов вошёл в литературные круги. Он сблизился с молодым Карамзиным Александром Николаевичем, оба они, молодые повесы, в угоду моде, порой злословили, высмеивали, с женщинами бывали небрежны. Напускная дерзость не позволяла им обрести преданными друзьями.

*На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.*

У Карамзиных Лермонтов не раз встречал Наталью Николаевну Пушкину, — она была желанной гостьей. Он чуждался ее, — за его демонстративно — изысканной вежливостью она угадывала свирепую враждебность. И только последняя их встреча растопила лёд отчуждения. Известие о его смерти огорчило Пушкину, но принесло облегчение ненавистникам поэта.

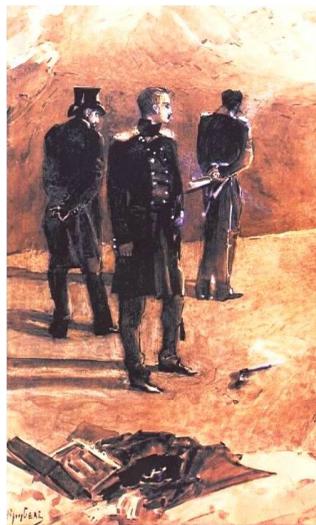

К последнему отъезду на Кавказ уже были опубликованы «Демон», «Песня про купца Калашникова», «Мцыри», «Маскарад» — он стал известным поэтом — писателем — продолжателем дела Пушкина.

Но почему в жизни Михаила Юрьевича

так много неприятностей? Что мешало его мятежной душе успокоиться? Вот мало известный случай, приведший его к последней дуэли. По дороге на Кавказ Лермонтов побывал в доме родителей Николая Мартынова — майора, товарища по службе, и неравнодушно отнёсся к его сестре — Наталье Соломоновне. То ли влюбился, то ли прикидывался, — с него станет. К тому же — как бы влюблённый в Софью Карамзину — дочь историка Н.М. Карамзина, с которой встречался в Петербурге, — искренность его чувств под большим вопросом. Оба дуэлянта приходились друг другу дальними родственниками, их род имел глубокие шотландские корни — от рыцаря Лермонта — известного певца и рифмача, присягнувшего первому русскому царю Михаилу из рода Романовых и верно служившему в войске Пожарского. Оба дуэлянта из рода Столыпиных. Случай с кражей пакета сочно описан в повести «Тамань». Что же случилось с пакетом?

Ссора сослуживцев произошла из-за денег — 300 рублей, и писем, переданных сыну отцом Мартынова через Лермонтова. Мартынов не получил ни писем, ни денег, — на обоз, якобы, напали черкесы, что нередко случалось в горах. Многие верили, — ведь Лермонтов никогда не лгал, мало того — он вернул Мартынову значительно больше — 500 рублей. Между приятелями пробежала «чёрная кошка». Как бы то ни было, дуэль состоялась — через два года. Лермонтов доминировал над Мартыновым злыми шутками, посмеивался над его сестрой, сыпал «соль на раны», вероятно — таким своеобразным способом искупал вину и латал душевные раны, — очередная ссора стала то ли последней каплей воды, то ли зажжённой спичкой к давно заготовленной охапке хвороста. «Лермонтов погиб за гривенник, — говорили его товарищи, — у русского бесшабашного человека всегда так: судьба — индейка, жизнь — копейка».

Для женщин Михаил Юрьевич не был привлекателен, за исключением воздействия на чувства юных слушательниц, благодаря чему в него иногда влюблялись. Но скоро наступала жестокая расплата. Внешние его данные мало интересовали милых дам: — маленький рост, неуклюжесть, косолапость, за что к нему приклеилась кличка «косолапый мишка», с ним не хотели танцевать. Невнимание прелестного пола оскорбляло его самолюбие. Боязнь быть непонятым, отвергнутым сделала его жестоким соблазнителем, задирой и острословом. Приклеенная с детства кличка «маёшка», т.е. безобразный, приносила ему большие страдания. О его безобразности много писали, в том числе И.П. Забелла, увидев поэта среди гостей: — «Огромная голова, широкий, но невысокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивающееся узким подбородком, угрюмое и желтоватое,

нос вздёрнутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики и волосы на голове, коротко остриженные. Но зато глаза!.. Я таких глаз никогда не видал. То были скорее длинные щели, а не глаза!.. и щели полные злости и ума... Ко всему прочему, его уродовала кавказская одежда... В нём было столько злости, что близко подойти к такому человеку я не решался». В последние годы печать гениальности легла на его чело, и кличка стала забываться.

Однажды Иван Сергеевич Тургенев встретился с поэтом на великосветском балу: — «В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-тёмных глаз. Их тяжёлый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Внутренне Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его толкнула судьба». Тургенев с его удивительной пронизательностью более других понимал причины душевных страданий Михаила Юрьевича, его бунтарского характера, загнанного в удушающую «сферу судьбы».

Современники отмечали в нём тягу к разрушительству — он с удовольствием ломал кусты, давил мух и радовался зашибленной собаке или курице. Друзья и близкие терпели его дурачества. Но однажды удовольствие терзать других натолкнулось на отпор Мартынова.

Цинизм Лермонтова зашкаливал: — «Теперь я не пишу романов. Я их затеваю». Вот один из примеров. Свой роман с влюблённой в его ум и талант Екатериной Сушковой он объяснил так: — «...это стало расчётом... Вступая в свет, я увидел, что у каждого был свой пьедестал: хорошее состояние, имя, титул, покровительство... Я увидел, что если мне удастся занять собою одно лицо, другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соперничества. Отсюда отношения к Сушковой». Это письмо тут же стало известным предмету его обожания, да и всему свету. — «Я в глазах света стал с нею жесток и дерзок, насмешлив и холоден. Я стал ухаживать за другими под секретом рассказывать им те стороны, которые представ-

лялись в мою пользу... Она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, рассказывая всем близким моим знакомым, что любит меня; я не вернулся к ней, а искусно всем этим пользовался». И далее: — «Я искусно направил письмо так, что оно попало в руки её тётки. В доме гром и молния». Мало того, он сообщает: — «Когда я осознал, что в глазах света надо порвать с нею, а с глазу на глаз всё-таки оставаться преданным, я быстро нашёл любезное средство — я написал анонимное письмо». История на том не закончилась — Екатерина связала к его именинам кошелёк голубого и белого шёлка и отправила ему как бы тайно. И что же кошелёк? В тот же день Лермонтов играл с дамами в карты, хвастался им, а затем поставил на кон и проиграл без сожаления. Девушка скомпрометирована. Так он утверждался в высшем свете. А в это время влюблённая в него Екатерина Николаевна отказывает достойному жениху. Он так и не научился распознавать искренние к нему чувства.

Чем объяснить безжалостное отношение к женщинам? Причины он и не скрывал: — мстил за слёзы когда-то отвергнутого шестнадцатилетнего подростка. Именно тогда он начал писать своего коварного, разочарованного, одинокого «Демона».

*И проклял Демон побеждённый
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упоенья и любви!*

И всё же у Михаила Юрьевича была «одна пламенная страсть», взаимная, — это любовь к Вареньке Лопухиной. Когда-то чувства его, страстные и пылкие, были неподдельно благородными. О свадьбе родители и слушать не хотели и выдали девушку за состоятельного помещика Бахметьева, старше невесты на семнадцать лет, тот был

противоположностью ветреному «вертопраху» — надёжный, рас-судительный, умудренный житейским опытом, — настолько рас-судительный, брюзгливый и ревнивый, что Варенька за пару лет увяла и зачахла. Она доверилась знатной даме и отдала письма и рисунки возлюбленного на хранение, но та их тайну предала огласке. Имя девушки опорочено. Разразившийся скандал, а след-дом ранняя гибель поэта, сразили Варвару Лопухину-Бахметьеву, — она тяжело заболела и превратилась в тень былой Вареньки, редко выходила в свет, прожила затворницей десять лет и скончалась в тридцать шесть... Предчувствия поэта сбы-лись — он не вернулся «к милому северу». Лермонтов прожил короткую жизнь, но успел создать огромный литературный мир и стать равным Александру Сергеевичу Пушкину. Михаилу Юрье-вичу свыше дано многое — больше, чем другим, — способный, талантливый молодой человек знал четыре языка, рисовал, играл на гитаре, скрипке, виолончели, фортепиано, получил хорошее образование — университетский благородный пансион, курс Московского университета, школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, военная служба. Всё это предначерта-но свыше, а как в земном, обыденном? На всю его жизнь легла печать не разгоревшегося домашнего очага. Его мать, Мария Ми-хайловна, умерла от чахотки, мальчику было два года и пять ме-сяцев, отец — участник войны 1812 года, был готов забрать сына, но бабушка, Елизавета Петровна Арсеньева, приложила немалые усилия, чтобы их разлучить. Детство его прошло в Тарханах в имении бабушки, она любила ребёнка за всех отсутствующих и всё решала за него. Он так и остался капризным и обидчивым. В подростковом его возрасте бабушка держала в доме молоденьких и красивых горничных на любой вкус, чтобы Мишеньке не было скучно. Некоторые из них оказывались в интересном положении, и тогда бабушка выдавала их замуж за своих крепостных — без любви и привязанности, отправляла «провинившихся» девушек на тяжёлые работы или продавала другим помещикам.

Бабушкиной огромной любви оказалось недостаточно, чтобы закрыть собою недостающее домашнее тепло. Крепкая семья — материнская ласка и веское отцовское слово прокладывают троп-

ки, по которым пойдёт ребёнок в большую жизнь; семья учит терпению, состраданию, ответственности, взаимопониманию, умению заботиться и прощать; никакие шторма не страшны семье, где правит искренняя дружба, на семье держится преемственность поколений, историческая память.

Тоска недолюбленного ребёнка, не напитанного живительной силой семьи, сиротливым сквозняком пронеслась сквозь всю жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова.

Стихи из заточения

Трогательное, романтическое стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива» родилось в заточении. Восемнадцатого февраля 1837 года Лермонтов, корнет гусарского полка, откликнувшийся на гибель Пушкина стихотворением «Смерть поэта», был арестован и заключён под стражу в караульном помещении Главного штаба в Санкт-Петербурге. Тогда ему шёл двадцать третий год.

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...*

Михаил Лермонтов, 1837 год

Родственник поэта — Аким Шан-Гирей, вспоминает, что Михаил Юрьевич девять дней был под арестом, что по приказу царя к нему срочно прислали лекаря проверить: — «не помешан ли он», оказалось — здоров. Николай приказал сделать обыск на квартире у Лермонтова в Царском Селе, а заодно у его друга Станислава Раевского. Их арестовали обоих, Раевского судили, и, как неблагонадёжного, сослали в ссылку в Олонецкую губернию. Шеф жандармов Бенкендорф сообщил императору, что корнет Лермонтов разжалован и направляется на Кавказ. А 27 июля 1841 года он будет убит на дуэли, пережив своего кумира неполные четыре года. Документы по делу о крамольных стихах поэта хранятся в музее института русского языка и литературы в С.-Петербурге, тут же хранятся его эполеты, снятые с шинели после дуэли.

Смерть Пушкина и поэтический вопль отчаяния Лермонтова взволновали общество. В северной столице, на улицах и в аудиториях громко читали строки: —

*«Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!...»*

Начались студенческие волнения, императору докладывали о неповиновении лицеистов. Шли толки: — произошедшее — не случайно, это заговор... Разгорающуюся искру протеста надо срочно погасить. Одним только решением Николая I, без суда, Лермонтова переводят из гвардии в армию и высылают на Кавказ. Надо сказать — царь довольно мягко обошёлся с поэтом; за тяжёлое преступление — обличение властей, своего рода, призыв к восстанию, следует длительное тюремное заключение, а то и казнь. К тому времени в России, а особенно в сознании Николая, ещё не стёрлась память о восстании декабристов 1825 года. Так, пожалуй, впервые в России осознали силу слова. О чём позднее напишет Фёдор Иванович Тютчев: — *«Нам не дано предугадать,
/ Как слово наше отзовется».*

К арестованному пускали только его камердинера, который приносил обед, завёрнутый в серую бумагу. Так на клочках серой бумаги «с помощью вина, печной сажи и спички» (А. Шан-Гирей) за девять дней заточения родилось три шедевра: «Когда волнуется желтеющая нива», «Узник» и «Молитва».

Стихотворение «Нива» опубликуют в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», вышедшем в свет в октябре 1840 года в петербургской типографии Ильи Глазунова тиражом в 1000 экземпляров. Поэт в это время служил на Кавказе. Автограф стихотворения хранится в Российской государственной библиотеке. Всего 16 строк, а сколько страсти, любви к природе, к жизни! Сколько надежды на светлое будущее, — ведь он так молод! Но совсем скоро в его творчество проникнет безжалостный Демон, и беспросветная безнадёжность отразится в его произведениях! Своего «Демона» Лермонтов начал писать в шестнадцать лет, и, по выходу с гауптвахты, отправил произведение в печать, но все оставшиеся годы правил и правил его.

Всего 16 строк смирения, надежды и любви молодого, но уже битого жизнью поэта, о связи человеческих переживаний с изменчивой природой. Перед читателем открывается благодатная картина бытия: — благоухающие нивы, шумящие леса, пышные сады, «малиновая слива», «серебристый ландыш, обрызганный росой», «студёный ключ». И, кажется, — мятежный «мцыри» обретает гармонию с миром, а главное — с собой, и, что ему, необузданному в страстях, удаётся усмирить душевную тревогу и разгладить «морщины на челе». Но нет — это только кажется. Чувствительная и нежная душа его и в самом деле гармонична с миром природы, но не с высшим светом. Стихотворение «Нива» взволновало творческих людей, появились произведения живописи и музыки на заданную тему.

Лермонтов помышлял переделать высшее общество, да и все порядки в стране, но не знал — как, он искал единомышленников и не находил их; вероятно, этим объясняется его потребность в общении со ссыльными декабристами на Кавказе. Он мечтал принести пользу России, но его не замечали. «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю», выбранные Лермонтовым из Библии

строки более, чем, характеризуют автора «Мцыри», его непокорность, непокладистый и бунтарский характер, желание много сделать и много получить от жизни. «Я мало жил, и жил в плену» — так начинается свою исповедь Мцыри — Лермонтов. Словно доблестный рыцарь дон — Кихот Ламанчский, в одиночку, бился он с ветряными мельницами и проиграл.

Написанная в заточении «Молитва» арестанта звучала так:

*Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного...*

Нет сомнения — молитва эта за Варвару Лопухину, в которой Михаил Юрьевич питал самые нежные чувства. Лермонтовым написано ещё несколько молитв, среди которых наиболее известная «В минуту жизни трудную».

Третье стихотворение — «Узник». Из заточения доносились стихотворные стоны арестанта: —

*Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу...*

*Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.*

Ну как удержаться от сравнения? Взор невольно обращается к другому узнику судьбы — Александру Пушкину: —

*Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,
Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!
Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..*

В лермонтовском «Узнике» ещё некоторая легковесность, озорство и молодость бьют через край. А пушкинская строка — это бездонная глубина страдания! А ведь Пушкин написал своего «Узника» тоже в 23, когда началась его первая высылка из столицы в Бессарабию, где он побывал в тюрьме, пообщался с заключёнными и написал эти пламенные строки.

И опять для сравнения: Пушкин всегда хорошо знал, чем закончится произведение, и много работал над текстом. Лермонтов же писал на одном дыхании, как правило, не совсем представляя — куда заведёт поэтическая строка. Примером тому, «тучи небесные, вечные странники», слёту написанное в час прощания с друзьями. Или набросанные в доме друга Вяземского на обрывке бумаги переводы Гёте: «На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна», тоже в час прощания с друзьями.

Высокое слово Лермонтова рождалось из света и дождя, он витал в облаках и слышал переключку горных вершин, понимал язык говорливого ручейка и ведал тайну горной тропинки. Его мысль произрастала в иных мирах, его уникальный мозг принимал сигналы горного эфира и облачал их в мантию слова.

На севере диком...

Не одинокая сосна Михаила Лермонтова

Творческое содружество Лермонтова и Шишкина

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь,
И снегом сыпучим
Одета, как ризой, она...*

М.Ю. Лермонтов, 1841 год

Удивительно точно русский живописец Иван Иванович Шишкин увидел образ сосны в стихотворении Михаила Юрьевича Лермонтова «На севере диком...». Художник понял душу автора и представил миру щемящее чувство одиночества великого русского поэта, странника и

всеми покинутого изгнанника с «милого севера», мечтавшего обрести родственную душу. Было ясно, что поэт ассоциирует себя с этим, никому не нужным деревом.

Обратимся к сюжету: плетёт зима-пряха кружева ажурные, вяжет затейница ледяными спицами снежные шапки и надевает их на грозные вершины гор, шьёт пышное одеяние и укутывает задумчивые утёсы. Всеми покинутая, не знающая заботы и любви, в тихом безмолвии стоит на утёсе одинокая сосна. В царстве бескрайнего снега и кромешной тьмы, закованная в тяжёлые снежные латы, возвышается она на неприступном утёсе.словно в

белым саване, отяжелевшая от снега, стоит сосна на краю глубокой бездны. Но нет в облике её нестерпимой тоски и безысходности.

Кажется, что никаким буйным ветрам не сломить её волю к жизни, не согнуть, не вырвать с корнем. Величаво, с твёрдой верой в лучшее будущее, гордо возвышается она, наперекор жгучим морозам и грозным ветрам. Безбрежное одиночество скрашивает мертвенный, тоскливый свет бледнолицой луны, он заливает мрачное ущелье и неоглядную даль. Но свинцовые облака завесили тусклым покрывалом небесное светило. Мрак окутал покорную землю и проглотил её серебряное сияние. Стало холодно, тоскливо и неудобно. И вдруг луна величаво вознеслась на небосклоне и бросила серебряное коромысло, вычерчивая размытые контуры глубоких обрывов, насупленных утёсов и неприступных ущелий. Стылые скалы искупались в волшебной лунной дорожке, умылись божественным светом и засияли небесной чистотой. Какая таинственная и торжественная ночь!

Луна не может растопить замороженное безмолвие и рассеять тяжёлую тьму, но может скрасить одиночество пленницы горного ущелья. Таинственная жрица ночи слышит грёзы о светлом и радостном мире. Погрузившись в призрачные сны, сосна мечтает о встрече с шуршащей на знойном ветру пальмой, такой же грустной и такой одинокой на «горючем» и зыбком утёсе (*в немецком сосна, ель — мужского рода*).

Стихотворение написано перед отъездом Михаила Юрьевича в ссылку. Как вспоминал друг Лермонтова П.П. Вяземский: — «Лермонтов по моей просьбе мне перевел шесть стихов Гейне: «Сосна и пальма». Он наскоро набросал на клочке бумаги свой перевод. Я подарил его тогда же княгине Юсуповой. Это первый набросок, который сделал Лермонтов, уезжая на Кавказ в 1841 году, ныне хранится в императорской Публичной библиотеке».

Михаил Юрьевич изменил историю влюбленных, обречённых на вечную разлуку, — у Лермонтова это тема безнадежного одиночества, которое также звучит в «Парусе» — *«белеет парус*

одинокий в тумане моря голубом», в «Утёсе», на груди его «ночевала тучка золотая», и многих других.

В 1891 году петербургский издатель Пётр Петрович Кончаловский подготовил к изданию собрание сочинений М.Ю. Лермонтова, приуроченное к 50-летию со дня гибели великого русского поэта. В подготовке приняли участие известные художники — В.И. Суриков, М.А. Врубель, В.М. Васнецов, И.И. Шишкин. Картина «На севере диком...» И.И. Шишкина стала лучшим украшением этого издания. Живописец, любивший былинную, богатырскую мощь русской природы, создал

образы, ставшие художественными символами России.

Почему именно это стихотворение глубоко тронуло чувства мастера русского пейзажа И.И. Шишкина? Художник в то время испытывал схожее состояние одиночества. Он недавно потерял близких людей. Его душа была полна скорби, обиды на судьбу, унесшую брата, сыновей, жену... Неуютно стало в доме. Старшая дочь Лидия, 19 лет от роду, без отцовского благословения вышла замуж за барона Б.Н. Ридингера и переехала к мужу в Финляндию, в усадьбу Мери-Хови (переводится с финского как «морской дворец»). Усадьба расположена в местечке Куоккала, ныне Репино, затерявшаяся среди холодных скал на берегу финского залива, куда художник иногда навещался за вдохновением. Эти обстоятельства сроднили души гениальных творцов. И родился шедевр. Картина «На севере диком» входит в экспозицию Киевского государственного музея русского искусства. Жива ли теперь?

Стихотворение Гейне «Одинокая Ель» вдохновило на вольный перевод не только Лермонтова, но и Тютчева, Фета. Не будем их сравнивать.

В маленьком стихотворении Лермонтова скрыта большая трагедия человеческой жизни. Отчего поэт так одинок и замкнут? —

Никем не понятый, ни сверстниками, ни старшим поколением, он за свою недолгую жизнь вволю «нахлебался» коварства и вероломства, и всем отплатил тем же. Откуда эта студёная тоска, безысходность, ненужность? — В глубоком ощущении разобщенности душ, в разлучённости души и мира, в неумении сострадать. Михаил Юрьевич понимал, что его утонченная натура способна чувствовать то многое, что не под силу другим. Ему понятен был природный язык робкого ручейка и далёкой звезды, перекликающихся горных вершин и заблудившейся лесной тропинки. Он ведал тайны человеческой души. Но как это высказать? Он жил в том высшем свете, где не принято делиться душевными переживаниями, где под маской благочестия может скрываться враг или ложный друг. Спасением было литературное и художественное творчество, где обнажалась искренность его души.

Младший современник А.С. Пушкина яркой звездой вспыхнул на небосклоне русского парнаса, вместе они заложили основы классической русской литературы. *«Светись, светись, далёкая звезда»*, — взывал поэт, лелея надежду на «свет далёкой звезды», который донесёт потомкам тайны его чистейших помыслов, когда он будет понят и принят. Мечта Лермонтова сбылась: потомки услышали и по достоинству оценили его творчество — поэта, прозаика, драматурга, художника. Духовное единство поэта и читателей его таланта прошло проверку временем, протяжённостью в 210 лет. Пронеся своё творчество сквозь пергаменты веков, Пушкин и Лермонтов — национальное достояние России, — по сей день охраняют чистое русское слово и чистую русскую речь.

Шишкинская — Лермонтовская СОСНА не одинока, нам понятны её испепеляюще горячие грёзы, которые внушают твёрдую уверенность в том, что никаким лютым морозам и буйным ветрам не сломить волю русского человека. Как и не сломить и Россию — матушку: ни лютым санкциям, ни буйно помешанным ветрам, дующим с заблудившегося Запада. Долготерпимы мы, но в праведном гневe за Отчизну свою — испепеляюще горячи!

Пушкин, Лермонтов, Шишкин всегда с нами, это они — великие скрепы богатырского народного духа, это они стоят на стра-

же чистейших идеалов человечества, это они искупают и исцеляют наш греховный мир, это они на знамёнах наших духовных побед!

«Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын, как русский...»

В сентябре 2023 года Москва отметила 876-летие первого упоминания в Ипатьевской летописи 1147 года. Дата внушительная — напоминание нам о далёкой старине, о глубоких исторических и культурных корнях, о славных традициях московской Руси, когда Юрий Долгорукий — князь ростово-суздальский, а затем и московский (1090–1157), принялся строить город в излучине рек Неглинная, Яуза и Москва-река, слободы и посады по берегам Оки, Клязьмы, Пахры, Сетуни. Пригласил он в гости своего союзника — новгород-северского князя Святослава Ольговича прибыть к нему на новые земли поохотиться с пардусом (гепардом) на диких зверей в богатых московских лесах.

Михаил Юрьевич Лермонтов «сильно, пламенно и нежно» любил древнюю столицу России. На пятки «фамусовской» Москвы наступал молодой, бурлящий событиями Петербург, но Лермонтов безмерно восхищался размеренной неспешностью и уходящими в глубь веков порядками старой Москвы. С Москвой связаны романтические волнения его пылкой юности.

*Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.*

М.Ю. Лермонтов (из поэмы «Сашка». 1839 г.

Родился Михаил Юрьевич здесь, в Москве, у Красных ворот, здание это не сохранилось, на месте его построили сталинскую высотку, а площадь в 1941 году переименовали в Лермонтовскую. Памятник поэту украшают рельефы на темы поэм «Мцыри», «Демон» и стихотворения «Парус». На пьедестале строки: «Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын, как русский, — сильно, пламенно и нежно». Скульптура Лермонтова оказалась персонажем советского фильма «Джентльмены удачи» Виктории Токаревой и Георгия Данелии. «Кто ж его посадит? Он же памятник!» — говорит герой Савелия Крамарова про «мужика в пиджаке».

Часть московского периода Михаил Юрьевич жил с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой на Поварской, а с 1829 по 1832 годы на улице Малая Молчановка, 2, где теперь расположен музей М.Ю. Лермонтова. Когда строился Калинин-

ский проспект, дом с мезонином едва спасли. Московская общественность отстояла последнюю деревянную постройку, затерявшуюся в арбатских переулках. Как замечательно, что удалось сохранить детское гнездышко поэта, как напоминание о том, что корневую систему культуры надо беречь, чтобы родовое историческое дерево русского народа крепко стояло на ногах и противостояло ураганам и штормам.

Бабушка заметила уникальные способности мальчика и усиленно готовила его к поступлению в Благородный пансион, — престижный пансион в своё время заканчивали Жуковский, Карамзин, Чаадаев. Она приглашала к внуку мастеров живописи, музыки, стихосложения, учителей французского, русского, греческого и латыни. Бабушка понимала, что своей самозабвенной, чрезмерной любовью она портит своего Мишеньку — единственную драгоценность, но простила сама себя за эти слабости.

В пансионе Михаил получил первый приз за успехи в сочинительстве и истории.

В музее Лермонтова на письменном столе лежит учебник по математике с надписью, сделанной рукой Михаила; математика — увлечение всей его жизни; в гостиной — подшивка газеты «Северная пчела», где упомина-

ется старинный род Столыпиных. Стены украшены акварелями и живописными работами — детскими портретами Михаила неизвестных мастеров, его матери, бабушки, отца, родственников, его кумиров — Пушкина и Байрона, автопортрет, авторские пейзажи Кавказа. Обращает на себя внимание образ Мадонны: но это не Богоматерь, а портрет монахини — героини его первой драмы «Эмилия».

В годы творческого становления состоялась дружба Михаила с детьми известных дворян Лопухиных, потомков старинного рода. На шестнадцатом году жизни юноша влюбился в Вареньку Лопухину; озорная, любопытная, прехорошенькая девушка стала первой и главной его любовью. Здесь написано более тридцати юношеских стихотворений, многие из них посвящены любимой: —

*У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,*

*И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!
Расстались мы, но твой портрет
Я на груди своей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.*

Михаил Лермонтов, 1832 г.

В этом доме бывала Екатерина Сушкова, с которой у Михаила складывались непростые отношения, и к ней обращена его любовная лирика. Екатерина Александровна не баловала вниманием юного поэта и в воспоминаниях пишет: — «У Сашеньки встречала я в это время ее двоюродного брата, неуклюжего, косолапого мальчика лет шестнадцати или семнадцати, с красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутым носом и язвительно-насмешливой улыбкой». Или из письма Мишелю: — «Когда из вас выйдет настоящий поэт... тогда я с наслаждением буду вспоминать, что ваши первые вдохновения были посвящены мне, а теперь, Monsieur Michel, пишите, но пока для себя одного», — отвечала девушка на пылкие признания в любви. Оскорблённый юноша затаил обиду, — мсть его была жестокой — он расстроил брак Екатерины Александровны с достойным кавалером — девушка была помолвлена с князем Алексеем Лопухиным, другом Лермонтова, влюбил её в себя и прилюдно бросил. Она повсюду искала встреч с предметом своего обожания, следовала за ним на Кавказ, лишь бы оказаться в одной компании. Но всякий раз он обливал девушку холодным равнодушием и скептицизмом. Михаил Юрьевич и не думал сходиться с Сушковой, прилюдно показывая ей своё безразличие, а однажды заявил: — «Я вас больше не люблю, да, кажется, и никогда не любил». Именно эти жестокие слова скажет Печорин княжне Мери, на что «она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали». Как безжалостно играл он судьбами женщин! Екатерина нашла в себе силы справиться с потрясением и через три года удачно вышла замуж за человека, который её обожал. Но и тут Лермонтов не угомонился, — он явился на венчание и рассыпал соль у входа в дом молодых, — продолжая мстить за свои юношеские унижения. И всё же Сушкова оставила вполне доброжелательные воспоминания.

Андрей Александрович Краевский, друг и литературный душеприказчик, издатель и педагог сохранил для потомков рукописи поэта, теперь хранящиеся в музее, те, которые издавал в своём журнале «Отечественные записки», например стихотворение «Бородино»; мало того, он участвовал в распространении стихо-

творения «На смерть поэта». Некоторые предметы разыскал для музея советский писатель Ираклий Андронников.

На Маховой Лермонтов обучался в Московском университете, который основал в 1755 году первый русский академик, ученый-энциклопедист Михаил Васильевич Ломоносов, где юноша прослыл не только успешным студентом и хорошим поэтом, но и задирой, он не раз конфликтовал с товарищами по учёбе и с педагогами, за что и был отчислен, о чём мы узнаём из воспоминаний его сокурсников Александра Герцена и Виссариона Белинского, ставшими в будущем литературными критиками и публицистами. Конфликт вспыльчивого Лермонтова с профессором словесности разгорелся у всех на глазах. Белинский вспоминает — профессор сделал студенту замечание в том, что тот отвечает вовсе не то, о чём рассказывал педагог. На что Михаил дерзко ответил: «Того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать... Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки». Какой заносчивый студент! Михаил читал произведение в подлиннике, — ученик знал больше, чем его учитель.

Большую Дмитровку тоже можно считать памятным местом — Лермонтов посещал Благородное Дворянское собрание. Однажды во время рождественских праздников он появился в костюме астролога — нарядился в бумажный макет книги, украшенной замысловатыми египетскими иероглифами, и всем предсказывал будущее, от чего гости пришли в восторг.

Михаил Юрьевич не раз бывал в Большом театре, особенно в те дни, когда играл Михаил Щепкин — после смерти опального поэта актёр добивался постановки «Маскарада», но безуспешно.

В московском особняке отставного дипломата Дмитрия Свербева собирался цвет дворянского общества, бывали Василий Жуковский, Иван Крылов, Петр Чаадаев, Александр Пушкин. В этом гостеприимном доме Лермонтову устроили тёплую встречу.

Однажды в доме Базилевских на Тверском бульваре Лермонтов среди гостей увидел свою любимую, уже замужнюю Варвару Александровну Лопухину — Бахметьеву с ребёнком. Она стала первой читательницей рукописи «Демон», — ведь «Демон» ей и был посвящён; именно там с неприкрытой наготой вылиты чувства оскорблённого, неудовлетворённого земной жизнью падшего ангела, обратившегося в злого и мстительного духа, искусителя женщин. На этом вечере романтические чувства его вспыхнули вновь. Поэт восторженно пишет:

*О грезех юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!*

На Девичьем поле в так называемой «избушке» издателя, историка, собирателя редкостей Михаила Погодина, теперь это Погодинская улица в Лужниках, в 1840 году хлебосольный хозяин давал обед в честь именин Николая Васильевича Гоголя, который жил тогда в его доме. Приехал на праздник и Михаил Юрьевич, он заработал восторженные возгласы слушателей после прочтения поэмы «Мцыри». Вскоре Гоголь пригласил молодого поэта в дом на Никитском бульваре, где с замиранием сердца слушал его «Демона».

Мятежный «Мцыри» наделал много шума в обеих столицах, все поняли, что Мцыри — это Лермонтов, упрекающий судьбу за душевное одиночество; он молод, жаждет жизни и любви, но, выросший без отца и матери, «на засохшем пеньке», он томится гнетущей тоской. Только природа понимает юношу, и только небесный ангел указывает ему путь. В грозе он видит родственную душу: — «как брат, / Обняться с бурей был бы рад», и ловит молнию рукой. Бежит инок, ищет родных, но везде чужой. Жажда битвы, преодолений, достижений разгорается в его душе, он сражается с могучим барсом, кровавые раны ноют на его груди, и он побеждает. Но неумолимый рок ведёт отрока обратно за каменные стены, он вновь в неволе, душа его опять в заточении: —

«На мне печать свою тюрьма / Оставила...». Истощённый, ожидающий смерти, он исповедуется. Приступ отчаяния сменяется предсмертным бредом, кажется, что он падает на дно морское, где «холод и покой». И лишь печалится о том, что тело останется на чужбине, да муки его неведомы людям. Мысли о родной стране успокаивают несчастного: — «с этой мыслью я засну, / И никого не прокляну!..». Какая беспощадная судьба! Какая безысходность! И какая могучая сила лермонтовского слова! Ну, чем не провидение, чем не исповедь самого Михаила Юрьевича? — И жизнь прошла в душевном плену, и тело погребли на чужбине, и муки остались непонятыми.

Через двадцать лет после гибели Лермонтова и смерти императора Николая I запрет на упоминание имени крамольного поэта стал постепенно забываться, появились первые мемуары — воспоминания оставшихся в живых современников, короткие и сдержанные. Как вспоминает Аким Шан-Гирей, родственник Михаила Юрьевича: — «Когда в пятилетнем возрасте бабушка привезла его в Москву и сводила на фантастическую оперу Кавоса «Князь-невидимка», постановка поразила его воображение, и он на всю жизнь всерьез увлекся театром. В период учебы в пансионе он затеял со своими товарищами театр марионеток, лепил из воска кукол. Может, и стал бы великим русским драматургом. Увы, его драматургические произведения не интересовали театры. Да и театральная цензура была еще более свирепая, чем литературная... Великолепный лермонтовский «Маскарад» так и не увидел сцены при жизни автора. Увидели бы его пьесы сцену, и пошла бы жизнь у Михаила Лермонтова совсем по-другому». Возможно, и так. Но жизнь шла так, как она шла.

Михаил Юрьевич не раз наездами бывал в Москве, где сбавлял темп суетливой столичной жизни. Ему нравилась грибоедовская картина московского быта с его героями Фамусовым, Молчалиным, с чопорными светскими дамами, с надутыми спесью барышнями. Он снисходительно посмеивался над размеренной жизнью дворянского общества, живущего устаревшими традициями, теперь уходящего с исторической сцены; на пятки «фамусовской» Москвы наступал прогрессивный, бурлящий событиями

Петербург; отпечаток молодой, растущей столицы мы видим в образе Чацкого.

Былинный слог, будто гусли рекут, поют, играют на древней московской земле, словно раздольный напев рунопевца — сказителя Бояна растекается в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Давайте вслушаемся в мелодию стиха: —

*Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася,
На какой ты радости разыгралася?*

М.Ю. Лермонтов». 1837 г.

Михаил Юрьевич упоминает Москву белокаменную, но, справедливости ради, заметим, что во времена упомянутого царя Ивана Васильевича IV (Грозного) стены Кремля давно уже красные. Белокаменными храмы и стены были во времена московского князя Дмитрия Донского в 1366–1367 годах, который снёс пришедшие в негодность дубовые постройки Ивана Калиты и обернул Кремль белым известняком. Больше ста лет стены накрепко закрывали сердце столицы московского княжества, но постепенно «расплывались», и потому Иван III затеял переустройство и заменил рыхлый камень на обожжённый кирпич. Но кирпичные стены лишь снаружи — внутри они по-прежнему стоят на укрепленных остатках стен Дмитрия Донского! И всё же Лермонтов не ошибся — в его времена кремлёвские стены были белыми. Вот как? Их белили известью.

Свою любовь к Москве поэт вложил в уста старого солдата: —

*Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана
Ведь были ж схватки боевые.
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой...*

Михаил Лермонтов. 1837 г.

Из нелюбимого Санкт-Петербурга Лермонтов пишет своей доброй подруге и наставнице Марии Лопухиной — старшей сестре Варвары Лопухиной: —

*Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.*

Здесь, в Москве, полвека спустя Михаил Врубель напишет иллюстрации к произведениям Лермонтова по заказу Саввы Ивановича Мамонтова для юбилейного издания сочинений поэта под редакцией П.П. Кончаловского. Большая часть работ относилась к поэме «Демон». Правда, в советское время критики признавали их грубыми, уродливыми и карикатурными.

Михаил Юрьевич «пламенно и нежно» любил Москву ещё и потому, что любил её безмерно обожаемый кумир — Александр Сергеевич Пушкин: —

*Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось...*

А.С. Пушкин в романе. «Евгений Онегин». 1831 г.

Москва в их сознании ассоциировалась со всем древним, традиционно православным, она — веками устоявшаяся мать городов русских. Смело и без ложной застенчивости пишут классики литературы о своей русскости, о любви к России, порой, «немытой, стране рабов и господ». Об этой части их творчества не принято много говорить, да и теперь некоторым вдруг стало стыдно быть русскими. А вот потомок эфиопов Александр Сергеевич Пушкин не стыдился — гордился своей принадлежностью к русскости. «Я русский в полном смысле слова, я не встречал человека, более меня влюбленного в матушку Русь», — писал Пётр Ильич Чайковский. Считали за честь называться русскими шотландцы адмирал Грейг, Барклай де Толли и Лермонт — предок М.Ю. Лермонтова, стихопевец и воин, как и датчанин Владимир Даль. Украинцы Н.В. Гоголь и Т.Г. Шевченко, без сомнения, считали себя русскими.

«Люблю отчизну я, но странною любовью! Её не победит рас-судок мой...», — пишет с тенью грусти Михаил Юрьевич в стихотворении «Родина», отправляясь во вторую ссылку. Он навсегда прощается с Москвой, с друзьями пылкой юности. Обладающий удивительной интуицией и масштабным мышлением, он предвидел не только своё будущее, но и будущее страны, отмирание в ней патриархального уклада русской жизни, исторически стареющего московского общества. Предвидел он и свою скорую гибель на дуэли. Об этом он рассказал другу Петру Вяземскому перед отъездом на Кавказ (в воспоминаниях П. Вяземского).

Помнится, писатель Валентин Пикуль изрёк образное умозаключение: — когда в России едва чихнут, то вся Европа валяется в жесточайшем насморке. Что изменилось? По-прежнему влияние России на весь мир — всеобъемлющее, не смотря на то, что она всегда живёт в условиях жесточайшей изоляции. Хватит ли сил удержать на высоте могущество страны, сохранить её це-

лостность, уберечься от «цветных» революций? Хватит ли мощи защитить завоевания наших доблестных предков? Ответ знает Москва. Стоит себе Москва златоглавая, нарядная, величавая, во славу России, и день ото дня крепчает, мужает и хорошеет, на радость нам и вам, назло супостатам и врагам.

Над пропастью судьбы

Плачьте, милостивый государь плачьте, надевайте глубокий траур, опелите вашу голову, берите из Вашей библиотеки «Героя нашего времени» и велите переплести его в черный бархат, читайте и плачьте... Нашего поэта нет... Неисповедимы судьбы твои, господи! И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов — чистейший сколок с Дантеса...» П.Т. Полеводин.

Выстрел Мартынова потряс небеса, небесная твердь содрогнулась и разверзлась, началась невиданной силы гроза, ударил гром, ошалевшие молнии судорожно бились в грозном небе, и дождь, безмерно опечаленный, долгий и тяжёлый, потоком горьких слёз оплакивал невосполнимую потерю...

Свидетелей последних двух дней жизни Михаила Юрьевича было много — все те, кто веселился в доме генеральши Верзилиной 13 июля 1841 года. Как Лермонтов оказался в Пятигорске? Император прервал заслуженный отпуск ссыльного поручика Лермонтова, отказал ему в отставке и срочно повелел вернуться на Кавказ. Уставший и оскорблённый, Лермонтов по дороге на службу остановился на отдых в Пятигорске, — сюда на летние балы и маскарады съезжался цвет столичного общества с дочками на выданье; как на мёд, за невестами слетались искатели счастья.

В доме генеральши собрались друзья; молодые люди устроили вечеринку, танцевали, веселилась... Пришёл Мартынов, недавно отставленный со службы за махинации в карточной игре, он побрил голову и явился танцевать с юными барышнями в черкесском костюме — в бурке, в белой папахе и с большим ножом, чем вызывал насмешки. Лермонтов пошутил — «Бойтесь, страшный

горец идёт...». Все засмеялись. Привыкший ко всеобщему вниманию и к снисходительному отношению к его колкостям, он, зачастую, выходил за берега дозволенного, но не в этот раз. У Мартынова не хватило таланта шуткой ответить на шутку. Бал продолжался. Неловкости между Лермонтовым и Мартыновым никто не заметил. А через два дня Лермонтова не стало, он погиб не от сабли горца в неравном бою, а от пули товарища по службе.

Стала ли безобидная шутка причиной дуэли? Конечно, нет. Над Мартыновым посмеивались многие, считали его глупым, хоть и хорошо образованным, трусливым и бесталанным. В образе Грушницкого, убитого на дуэли, все увидели до невероятности схожего сослуживца. Завистливый и заносчивый Мартынов давно затаил обиду на Лермонтова, решил — не дать поэту дожить до всемирной славы и погубить на дуэли.

Юная родственница и подруга Лермонтова Екатерина Быховец, «прекрасная смуглянка», писала: — «Этот Мартынов был глуп ужасно, все над ним смеялись; он ужасно самолюбив; карикатуры его беспрестанно прибавлялись; Лермонтов имел дурную привычку острить... Это было в одном частном доме. Выходя оттуда, Мартынка глупый вызвал Лермонтова. Но никто не знал. На другой день Лермонтов был у нас, ничего, весел; он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала, государь его не любил, великий князь ненавидел, <они> не могли его видеть, — и тут ещё любовь: он был страстно влюблён в В.А. Бахметьеву...».

«Мятежный мцыри» предчувствовал свою гибель на дуэли, он как — будто балансировал над пропастью, понимая, что скоро рухнет в бездну: —

*В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня, но спал я мёртвым сном.*

Лермонтову «...непрерменно нужна была жертва, — вспоминал И.И. Панаев, — и, выбрав её, он уже беспощадно преследовал её». Мартынов был среди таких жертв. Эмилия Александровна Шан-Гирей, урождённая Клингерберг, благосклонно относилась к ухаживаниям и Мартынова, и Лермонтова, в последний день девушка была рядом в Лермонтовом, — мы видим её в образе княжны Мери. Совсем юная, она часто обижалась на дерзкие его шутки, но их ссоры всегда заканчивались миром. В тот день он был необыкновенно весел, много шутил, озорничал — мальчишка! В день похорон «все говорили шёпотом, словно боялись, чтобы их слова не разбудили его, спавшего уже непробудным сном. На бульваре музыка два дня не играла. Священник с большим трудом согласился хоронить», — вспоминает Эмилия Александровна, позже ставшая женой троюродного брата Лермонтова — Акима Павловича Шан-Гирея.

15 июля праздник устраивал князь Владимир Сергеевич Голицын. Приглашения отправлены Лермонтову, Мартынову, Столыпину, Трубецкому, Васильчикову... Но Лермонтов приглашения не видел, он с утра вместе со Алексеем Столыпиным уехал в Железноводск, купил там пять билетов на ванны по 50 копеек и билет на 2 рубля 50 копеек, — о чём свидетельствует запись в книге продажи билетов. Следом — запись о приобретении пяти билетов капитаном Столыпиным — двоюродным братом, прозванным «Манго». Выходит — о предстоящей дуэли Лермонтов не знал, коль собирался нежиться в ваннах и поправлять здоровье, которое может и не пригодиться? Скорее всего, друзья знали, но верили — дуэль не состоится. Из письма Екатерины Быховец мы узнаём, что Лермонтов в то утро принимал друзей — её — Катю с тёткой, других знакомых, веселился и развлекал гостей.

А теперь невероятная история о том, как обнаружилось то самое письмо Катеньки Быховец полвека спустя, в 1891 году! В нём подруга Лермонтова рассказывает о последнем дне жизни поэта. А дело было так: — на толкучке в Самаре ученик реального училища В. Акерблом приобрел у букиниста какую-то книгу, в которую было вложено письмо, завернутое в листок бумаги с надписью «Письмо Катеньки Быховец, ныне госпожи Ивановской, с

описанием последних дней жизни Лермонтова». Юноша не растерялся и отправил письмо редактору журнала «Русская старина» Михаилу Семевскому. Тот опубликовал его, предварительно показав первому биографу Лермонтова Павлу Висковатову, который не усомнился в его подлинности. Катя пишет: — «Как приехали на Железные, Лермонтов сейчас прибежал; мы пошли в рощу и все там гуляли... Я с ним ходила под руку. На мне было бандо. Уж не знаю, какими судьбами коса моя распустилась и бандо свалилось, которое он взял и спрятал в карман, с полными глазами слез благодарил, что я приехала, умаливал, чтоб я пришла к нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поехали назад, он поехал тоже с нами... — Он целует мою руку и говорит: — Кузина, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни... Это было в пять часов, а в восемь пришли сказать, что он убит... Он мёртвым был так хорош, как живой...» — продолжает Екатерина Быховец. В пятом часу состоялся обед, Лев Пушкин, Алексей Столыпин обедали вместе с Лермонтовым — за час до его гибели!!! А потом Столыпин вместе с Лермонтовым отправился к назначенному месту дуэли?!

Место дуэли участники её быстро забыли, и только в 1915 году при установке памятника устроители определили его приблизительно, опираясь на рассказ армейского товарища Чарыкова. Сослуживец последним в тот день видел своего погибшего товарища на съёмной квартире: — «... Вхожу в сени, налево дверь затворенная, а направо, в открытую дверь, увидел труп поэта, покрытый простыней, на столе; под ним медный таз; на дне его адела кровь, которая несколько часов еще сочилась из груди его. Но вот что меня поразило тогда: я ожидал тут встретить толпу поклонников погибшего поэта и, к величайшему удивлению моему, не застал ни одной души». Так завершился последний день на земле великого поэта, ушедшего в бессмертие.

Танцевальную программу у князя Голицына остановил ворвавшийся в зал Васильчиков, сообщивший — Лермонтов убит! «Перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу» — поведал князь.

Что рассказали секунданты? Небывалая жара и сушь сменилась долгожданным дождём. Как только утихла буря, началась дуэль, и лишь только Лермонтов испустил последний вздох — пошел проливной дождь. Противники встали в тридцати шагах друг от друга, потом каждый сделал по 10 шагов вперёд. Вот как?

Значит, стреляли с 10?! Так ведь это убийство! Как показал на следствии секундант Глебов: — «Майор Мартынов выстрелил. Поручик Лермонтов упал без чувств и не успел дать своего выстрела, из его заряженного пистолета выстрелил я в воздух. Об условии — стрелять ли вместе или один после другого — не было сказано, по данному знаку сходитья каждый имел право стрелять, когда заблагорассудит», — юлит, выкручивается секундант, не говорит правду. Таким образом, вошедшая во все учебники версия, что Лермонтов стрелял в воздух — не состоятельна. На самом деле — Лермонтов не хотел стрелять, о чём сообщил противнику накануне, да и выстрелить бы не успел — Мартынов целился прямо в грудь. Ни взмаха руки, ни крика боли — ничего этого не было — смерть была мгновенной и тихой. Лермонтов отказался от выстрела, Мартынов колебался. Васильчиков — секундант Мартынова, выгораживая себя, показал, что Лермонтов нарушил правила и первым выстрелил в воздух, а Глебов — секундант Лермонтова, показал, что правил никаких не было, выстрел в воздух сделал он, когда Лермонтов был уже мёртв. Предполагалось, что старые приятели откажутся от дуэли и выпьют мировую, для того и взяли целую корзину шампанского. На самом деле — Лермонтов поднял дуло пистолета, указывая, что будет стрелять в воздух, а Мартынов прицелился и ждал сигнала. Раз, два, три... Никто не выстрелил. Глебов, молодой офицер,

впервые участвующий в дуэли, вместо того, чтобы развести дуэлянтов, крикнул Мартынову под руку — «Стреляйте!». И Мартынов выстрелил. Спусковым крючком оказалась небрежная фраза, перед тем брошенная Лермонтовым: — «Стану я стрелять в такого дурака», — слова, словно плетью, хлестнули по самолюбию Мартынова. Раненый в правый бок и рикошетом в руку Лермонтов прошептал Глебову: — «Миша, я умираю». Мартынов прокричал: «Миша, прости мне!». Глебов сел на землю и положил голову друга к себе на колени, его оставили с покойным; промокший до нитки Глебов, — спрятаться негде, — снял с себя шинель и укрыл бездыханное тело. «То, что еще недавно носило имя Лермонтова, лежало безжизненной массой, прикрытое от дождя шинелью...» — расскажет писарь Карпов. Князя Васильчиков, Трубецкой, Столыпин, и с ними Мартынов, отправились в Пятигорск с сообщениями в штаб, к друзьям, — никто из докторов и священников не соглашался ехать в горы во время дождя, никто не хотел свидетельствовать гибель русского офицера на бессмысленной дуэли.

Михаил Глебов рассказывал Эмилии Шан-Гирей: — «...темно, кони привязанные ржут, рвутся, бьют копытами о землю, молния и гром непрерывно...». На самом деле, лошадь была оставлена одна, на других уехали секунданты. Глебов тоже уехал, у тела оставил прибежавшего на выстрел лесника и прислал своего слугу. Мартынов тоже отправил слугу забрать папаху. Подмога лес-

нику пришла через два часа... Они-то и везли распластанное тело убитого. Ноги болтались, голова свисала, — такую картину увидел староста церкви, мимо которой везли короткие дрожки. Участник парадного обеда у князя Голицына вспоминает: — «...когда лилось шампанское рекой, а на дворе бушевали стихии: гремел гром, зигзагами вилась молния и хляби небесные разверзлись потоками дождя, — было получено известие о дуэли и смерти М.Ю. Лермонтова».

Интересна история ближайшего друга Лермонтова в кавказский период — Михаила Павловича Глебова. В путаных показаниях сослуживца фигурировал ещё один секундант — князь Васильчиков. Однако после смерти А.А. Столыпина и С.В. Трубецкого выяснилось, что и они присутствовали на дуэли, но не признались в этом, а Васильчиков и Глебов прикрывали их. Почему? После дознания Глебов вернулся на службу, храбро сражался, попал в плен, — товарищи его выкрали. Убит выстрелом в голову в сражении с горцами. В его имении и после смерти хранился портрет Лермонтова с надписью: «Другу Глебову Лермонтов. 1841 год» с полуистлевшими листками стихов, а также лермонтовская кавказская шашка с буквой «Л.». Известно, что знаменитый советский актёр П.П. Глебов (к/ф «Тихий Дон») приходится дальним родственником ротмистру лейб-гвардии Конного полка Глебову. Со слов сестры — примерно в 1845 году Глебов в Тифлисе встречался с немецким литератором, которому передал для перевода черновики 17 стихотворений Михаила Юрьевича. Каких? Неизвестно. Стихи полностью утрачены.

Оплакивали Михаила Юрьевича только два человека — безмерно любящая бабушка Елизавета Алексеевна и Варвара Лопухина — Бахметьева. Через четыре года обеих женщин не стало. А что же Николай Мартынов? Что он сам думал о дуэли? Изменилось ли к нему отношение окружающих? Досаждали ли расспросами, укоряли, ненавидели? Нет. Самолюбивый, жёсткий по характеру, неудавшийся поэт и слабый писатель, он не считал себя виновным, да и многие современники его оправдывали. Он долгие годы молчал, счастливо жил в своём имении и только через

тридцать лет вспомнил о происшествии; начал писать исповедь, да так и не закончил. Умер в возрасте шестидесяти лет.

А теперь затаив дыхание, вникнем в показания убийцы:

— С самого приезда своего в Пятигорск, Лермонтов не пропускал ни одного случая, где бы мог он сказать мне что-нибудь неприятное. Остроты, колкости, насмешки на мой счёт... Я показывал ему, как умел, что не намерен служить мишенью для его ума, но он делал как будто не замечает, как я принимаю его шутки. Недели три тому назад, во время его болезни, я говорил с ним об этом откровенно; просил его перестать, и хотя он не обещал мне ничего, отшучиваясь и предлагая мне, в свою очередь, смеяться над ним, но действительно перестал на несколько дней. Потом, взялся опять за прежнее. На вечере в одном частном доме, за два дня до дуэли, он вызвал меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову, на каждом шагу показывая явное желание мне досадить. Я решился положить этому конец...

Военно-полевым судом Мартынова приговорили к разжалованию и лишению всех прав состояния, но решительным образом вмешался Николай, обрадованный устранением неблагонадёжного смутьяна, и распорядился ограничиться трёхмесячным арестом на гауптвахте и церковным покаянием. Поползли слухи о том, что поэт был сражён не Мартыновым, а скрывшимся в кустах стрелком. Почему пуля вошла под углом, попала в правый бок под нижнее ребро, а вышла с левой стороны у самого плеча? Но ни у кого не возникло желание проверить, — показаний двух секунданта было достаточно. Позднее баллисты объясняли это особенностями прицела данного пистолета. Да и Мартынов не нуждался в помощи — сам хорошо стрелял — с десяти шагов!

Возникла ещё одна, совсем уж крамольная, но не беспочвенная версия: — а не потребовалась ли эта дуэль для того, чтобы уничтожить ненавистного при Дворе мятежника? Сбивчивые показания защитников Мартынова и самого Н.С. Мартынова указывают на то, что истинную подоплеку дуэли они знали, но скрывали. Может быть, Мартынов оказался удобным орудием исполнения чужой воли? Показания интриганов постоянно меня-

лись: вначале будто бы стрелялись без секундантов, потом — при одном М.П. Глеbove, нет — при двух — Глеbove и Васильчикове, а через тридцать лет, оказывается, при четырёх. Настораживает высказывание А.А. Столыпина: — «Лермонтов недавно погиб на дуэли, причины которой остались неясными». Вот так раз — участник событий не ведаёт, что говорит?

В свете Мартынова принимали как героя. Убийство Лермонтова сделало его в глазах общества смелым борцом за справедливость и невероятно популярным писателем — его стихи и поэмы печатали в журналах, он имел успех у светских красавиц, удачно женился, стал завсегдатаем Английского клуба в Москве, увлёкся масонством, вызывал дух убитого им Лермонтова, но тот ни разу не явился.

Вы не поверите — на сайте «Великие люди России» — среди учёных, изобретателей, путешественников прославляется имя Николая Соломоновича Мартынова!? С каких это пор мы стали воспевать имена убийц? Или беспринципность зашкаливает?

Князь Васильчиков не скрывал подоплёку убийства: — «При дворе Лермонтова не любили... Если б его не убил Мартынов, то убил бы кто другой; ему всё равно не сносить бы головы». Так, значит, всё-таки, заговор? Его отец — канцлер Российской империи, приближённый Николая I, передал сыну царскую ненависть к Лермонтову, и тот распускал слухи. И потому многие современники считали Васильчикова доносчиком и провокатором, уговорившим Мартынова на дуэль. К слову сказать, после смерти Пушкина выяснилось, что не рукой Дантеса, а молодого Васильчикова написан последний пасквиль — анонимное письмо к Пушкину об изменах Натальи Николаевны с Дантесом и царём. От Васильчикова мы также узнаём, что Николай тогда заявил: — «Собаке — собачья смерть». И только после укоров супруги Марии Павловны он повторил — «туда ему и дорога». И тот же лицемерный князь сетует: — «Всё петербургское великосветское общество, махнув рукой, повторило это надгробное слово над храбрым офицером и великим поэтом».

Его «душа чудесного искала», а нашла удушающую сферу безжалостного общества, в котором пришлось жить и знаясь,

которое не щадило его: — он так и остался недооценённым современниками, не сумевшими разглядеть его уникальность, не пожелавшими защитить его от гибели. И только потомки поняли великую цену его таланта.

Казалось, прошло двести лет, всё найдено, изучено, что ещё нового можно обнаружить? Оказывается — можно. В симферопольском архиве в лабиринтах хранилища обнаружили письма к Лермонтову Софьи Карамзиной — дочери историка Николая Михайловича Карамзина, её воспоминания. Высказывания дышат смелостью мышления: — «Выступление против «палачей» — гонителей русского гения — Пушкина, не простили Лермонтову... Молодой человек обладал такими зрелыми мыслями, таким аналитическим чутьём, что состязаться с ним никто не брался».

Однажды случилось ещё чудо, пролившее свет на оценку творчества поэта — в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге обнаружилось письмо некоего *П.Т. Полеводина*, лечившегося в те дни в Пятигорске. Этот большой ценности документ доказывает огромную популярность Лермонтова!

«Июля 21-го 1841 г. Пятигорск. Плачьте, милостивый государь Александр Кононович, плачьте, надевайте глубокий траур, нашивайте плёрезы, опепелите Вашу голову, берите из Вашей библиотеки «Героя нашего времени» и скачите к Лёренцу, велите переплести его в черный бархат, читайте и плачьте. Нашего поэта нет, — Лермонтов 15-го числа текущего месяца в 7 часов пополудни убит на дуэли отставным майором Мартыновым. Неисповедимы судьбы твои, господи! И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов — чистейший сколок с Дантеса... На другой день толпа народа не отходила от его квартиры. Дамы все приходили с цветами и усыпали его оными, некоторые делали прекраснейшие венки и клали близ тела покойника. Зрелище это было восхитительно и трогательно. 17-го числа в час поединка его хоронили. Всё, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб его до самого кладбища несли штаб и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожа-

ления и ропот публики не умолкали ни на минуту... Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу...

А следом княгиня Ростопчина сетует: — «Пистолетный выстрел отнял у России драгоценную жизнь — национальную гордость». Весомым словом отреагировал издатель Ю.Ф. Самарин: — «Становится страшно за Россию. Лермонтов убит! Приговор судьбы поражает лучших её сыновей. Целый народ облёкся трауром, посыпая себя пеплом... Россия опустела, родник иссяк, заменить его нечем!» Знакомый поэта А.П. Смольянинов возмущён: — «Что сделать с тем, который попрал, затоптал стыд, совесть, честь, который, унижившись до степени животного, отнимает у бедного умирающего последний кусок... Глас божий разразится ли над ним? Поступок Мартынова подл, низок,... мне было бы счастьем погибнуть от руки Лермонтова!».

Значит, были и те, кто понимали и ценили поэта при жизни! В то время, как многие не считали его великим — в «золотой век» русской литературы кто только не занимался стихотворством, — в нём видели лишь избалованного отпрыска знаменитой фамилии Столыпинах. В печати и в собраниях запрещалось упоминать имя мятежника Лермонтова. Лишь изредка робкие воспоминания просачивались в свет. Салтыков — Щедрин: — «Мерилом надо считать то, что возвышает его (Лермонтова) над толпой». Н.И. Герцен охарактеризовал пушкинско-лермонтовскую эпоху: — «Надо было ненавидеть из любви, презирать из гуманности, надо обладать безграничной гордостью, чтобы с кандалами на руках и ногах высоко держать голову... Его (Лермонтова) поэзия не была такой лёгкой, как у Пушкина, но она была лучшей». Современник поэта Н.Ф. Туровский напишет: — «Лермонтова уже нет, глубокий траур накинут на русскую литературу».

Что мешало Лермонтову беззаботно веселиться и радоваться жизни в обществе «золотой» молодёжи? — Он стал заложником своей гениальности, она держала его на коротком поводке и удушающе крепко обнимала своими цепкими щупальцами.

В защиту русского языка

Из истории русской письменности.

Письмена славных русичей доблестным потомкам своим

УЦЄМНАЩЄМАМАТЄРЄМЪЛѢЯКУВЄНАСЪУЩАЩЄ
ДѢВУЄПЕУДЯЩЄСТЄЄПРѢВЪТАКУІДЄХУМСТ
КѢВУДЄХУМСТАКНЕАХЛѢВУЖРѢВЦЄНІЄЄЛѢВУ
НЄРУЄЄЯКУВЄБУЄЄМЪЛѢВУЄПѢВѢШУТѢТАКУЄ
УТЬЛѢВУНЄСТУ

*«Отцам нашим и Матерям слава,
которые учили нас о Богах и водили стезёю правую.
Так идите и не будемте нахлебниками,
но славными Русами, которые Богом славу воспевают,
и так они Славяне оттого» (из «Велесовой книги»).*

(перевод Н. Слатина)

Вот она — правда русичей, завещанная нам в летописях, каменных и деревянных письменах, на пергаменте, кости, на берестяных свитках и глиняных изделиях, чтобы потомки гордо несли славу доблестных предков своих.

Послания отважных русичей пронизаны русским духом, чувством собственного достоинства, основанного на славных победах, справедливости, милосердии. Каковы истоки русского духа? Преданность корням своим, верность присяге и готовность сложить голову за «друзья своя» — вот краеугольный камень характера, заложенного нашими далёкими предками.

Сильные и ловкие русичи достойно служили в войсках князя Олега, когда тот крепил единство земель русских, ходил походами на Смоленск, Киев и Любеч, о чём записано в «Повести временных лет». Стояли на службе у Юрия Долгорукого, о чём говорит Лаврентьевская летопись 1155 года, верно служили славному Дмитрию Донскому и всем владимиристо-суздальским князьям, собиравшим вокруг себя Русь православную. Так,

В. Васнецов «Вещий Олег»

Юрию Долгорукому говорили: «Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном, и головы свои складываем за твою честь!»

Даты летописаний даны в исправленном исчислении времени от рождества Христова, хотя на самом деле на Руси счёт вели от сотворения мира. Считается, что от всемирного потопа до р.Х. прожито 5508 лет. Вот и прибавляйте. 1 января 1700 года Пётр Первый принял Юлианский календарь по европейскому образцу, летоисчисление началось от рождества Христова.

Наскальные рукописи, берестяные грамоты, письма на глине, кости, пергаменте (материал для письма из недублёной сыромятной кожи животных), деревянные доски и каменные глыбы с высеченными на них наказами стали материальными памятниками древнерусской культуры. Заповеди эти составили основы «Велесовой

Древнерусская каменная рукопись

книги». Книга собрала знания о правилах жизни, верованиях и воинских доблестях древних русичей с дохристианских времён. Родились эти правила задолго до появления самой книги, как способ выживания древнего человека в окружающем мире. Дошли до нынешних времён эти источники и донесли духовные основы — генетический код русичей.

«Заклятые друзья» наши называют Русь: немытая, лапотная, невежественная. Но так ли это? На самом деле предки наши были людьми грамотными. Наличие «Велесовой книги», «Ярилиной книги» на Готском камне, резных досок, знаков на пергаменте, бересте, кости, глиняных изделиях говорят о том, что письмо у восточных славян — буквенная глаголица, существовало задолго до Кирилло-Мефодиевской азбуки, праздник которой принято отмечать. А того ранее — руническое письмо (руны — символы, обозначения), на котором подписывались договоры с соседями — византийцами и нормандцами, велись торговые книги.

Мир («М»)

Чернобог («Ч» и «Ц»)

Алтарь («А»)

Радуга («Р»)

Есть («Е»)

Опора («О»)

Даждьбог («Д»)

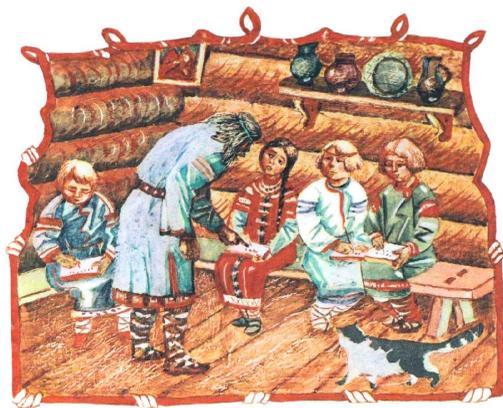
Перун («П»)

Исток («И»)

Руническое письмо

Кириллица принесена на Русь значительно позже в 863 году и получила широкое распространение в X веке в связи с принятием христианства в 988 году киевским князем Владимиром Святославичем (Красное Солнышко) — крестителем Руси (958–1015 гг.) Во времена славного новгородского и великого киевского князя Ярослава Владимировича Мудрого (978–1054 гг.) приведённая в порядок азбука позволила бурно развиваться просветительской деятельности христианской направленности: появились летописи, «жития», поучения святых, молитвенники, «Велесова книга», напечатано самое раннее (1056–1057) «Остромирово Евангелие»,

Обучение детей в школе. XI век

историческая повесть «Слово о полку Игореве». В XI веке появились школы для детей, на берестяных тетрадках их учили грамоте и счёту, письменность прочно вошла в жизнь людей — и богатых, и бедных. На Руси появилась бумага, которую научились делать сами.

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
Аз	Буки	Веди	Глаголь	Добро	Ест	Живете	Дзело
Щ	Иже	Йота	Герв	Како	Люди	Мислете	Наш
Он	Покой	Рци	Слово	Твердо	Ук	Ферт	Ха
От	Ци	Черв	Ша	Ща	Ер голям	Еры	Ер малък
Яг	Ю	Юс малък	Юс малък	Юс голям	Юс голям	Фита	Ижица

Годыта земь наша, а тѣ Бѣлогоре секоу, а сѣдомѣ коши сви, а ервѣ свѣд поидомъ — и та еси о ны.

2 Се во вричеть птица Матерь Сва о ны, а саявъ речеть ны: якоу ко сын о тѣ мѣстъ наша. 3 Идѣдомъ до свѣты о поля, одричѣдомъ врагѣ полночны, а одричѣдомъ на врагѣ сродѣ съ ны, а ефѣдомъ повладимъ рѣшитѣ гроизцы, якоу еше нашего Парѣн — сыны, а Дѣлѣ — вѣицы.

3 Се въ то Сварѣць вѣже наво, каямо гравѣтѣ сви сви. И тѣмъ Германарѣхъ одидѣ до поляны, а самѣнѣ о поладѣни. И такъ ны оверѣдомъ тѣмъ нашь до конѣцѣ, и не дѣлѣдомъ ко сын, во цѣмъ не коуцѣ о сын сви.

4 Се во идеть о стѣны наша мѣицѣ инскѣдомъ родѣ инѣх, а не идѣдомъ кашѣтѣ о лыры, не вѣ-

идти на него, ибо Готская земля — наша. Её белогоры сеяли и усевали костями своими и кровью своей поливали — и потому она наша.

2 И вот поёт Птица Матерь Сва о нас и славу предрекает нам: нам самим и мечам нашим. И мы пошли до Святого поля, и одолели врагов полночных, и отразили врагов полуденных. И пошли на врагов и сошлись с ними, и повели русичей Громичи, потому что мы — Отца нашего Перуна сыны и Давьбога — внуки.

3 И вот Сварог указал нам, куда ушли злины и Германарех. И тот Германарех отошёл на север, а злины — на юг. И так мы обрели землю нашу и собрали её воедино, и не давали мы сыновей своих, ибо ценим не имевот сыновей наших.

4 И вот идёт в степи наши великое множество иных родов, и не должны мы быть мирными, и не

Каменные рукописи. Велесова книга. Ярилина книга. Бусово время. Рисунки и письмена на Готском камне в Тавриде, середина I тыс. н.э.

Каменные рукописи, найденные во время раскопок в Тавриде (Крым), по мнению учёных, относятся к середине первого тысячелетия, вероятно четырёхсотые — пятисотые годы н.э., — это своего рода пограничные столбы, обозначавшие границы расселения восточных славян и утверждавшие единство земли русской: «Готская земля — наша. Её белогоры сеяли и костями своими и кровью своей поливали — и потому она наша. И вот поёт птица Матерь Сва и славу предрекает нам: нам самим и мечам

нашим. И мы пошли до Святого поля и одолели врагов полночных, и отразили врагов полуденных. И пошли на врагов и сошлись с ними, и повели русичей Громичи, потому что мы — Отца нашего Перуна сыны и Дажбога — внуки. И вот Сварог указал нам куда ушли эллины и Германарех. И тот Германарех отошёл на север, а эллины — на юг. И так мы обрели землю нашу и обрели её воедино, и не давали мы сыновей своих, ибо цены не имеют сыны наши. И вот идёт в степи наши великое множество иных родов, и мы не должны быть мирными...»

«Цены не имеют сыны наши», — высекали на камне предки наши. Вот где черпать силы надо в нарастающей борьбе с «геополитическими партнёрами», которые главный удар в информационной войне против России направляют на искажение исторической правды. Оголтелые «правдолюбы», как внутри страны, так и за её пределами, без зазрения совести переписывают нашу историю, вскрывают «нарывы» прошлого, издеваются над памятью отцов и дедов. И остаются безнаказанными. Изощёрённо навязывают всему миру ложь, внушая, что пьяная, ленивая, воинствующая Россия — вечная неудачница, и есть у нас только «дураки и дороги». О том, что Сталин и Гитлер — тираны, развязавшие страшную войну, что «безжалостные и кровожадные» советские полководцы завалили Европу трупами своих солдат, а подвиги придуманы «сталинской пропагандой», что страна наша — «империя зла», которая была одним сплошным «ГУЛАГом», а отцы и деды — бессловесными рабами тоталитарного режима. И мир этому верит. А если так, то как объяснить народное шествие «Бессмертного полка», когда в едином потоке сливаются исполненные благородным достоинством люди разных поколений?

«Не в силе Бог, а в Правде» — с этими словами святого Александра Невского поднимались на защиту земли родной и царства Христова от вражеских нашествий. Немыслима история России без величайших полководцев А. В. Суворова и М.И. Кутузова, которые громили врагов и с Запада, и с Востока, без доблестных адмиралов русского флота Фёдора Ушакова и Павла Нахимова. Это они и многие другие герои продолжили эстафету собирателей земли русской и на века воплотили славу Отечества нашего.

Надо научиться защищать свои ценности. Единство живых и мёртвых, «радость сомкнутых дыханий» (М.М. Пришвин, 1945 год) — в этом сила народа. И мы должны хорошо знать свою историю, оберегать её и передать детям память о подвигах героев далёких и близких, которые ценой своей жизни в боях и самоотверженным трудом защищали Отечество наше и побеждали.

Святой благоверный Александр Невский

«Славу Отцов и матерей, которые водили стезёю правою», предрекали потомкам предки наши. Наказы славных русичей доблестным продолжателям дела праведного — укрепление могущества земли русской, — залог исторической правды. «Даже если в России останется один хутор — Россия возродится», — с верой в русский народ говорил Н.В. Гоголь. И это истинно так! На том и стоять будем!

В защиту русского литературного языка

«Русский язык — это выразительный и звучный язык, гибкий и мощный в своих оборотах и средствах». Ему свойственны «вельмилавая плавность, яркость, простота и точность».

А.С. Пушкин

Почему встаёт вопрос о защите родного языка?

В последние десятилетия в западном мире усилились попытки переписать историю, ослабить и подорвать роль русской культуры и языка, засорить его псевдокультурой. Русский язык значительно обтрепался и оскудел, исчезло много красивых и значимых слов, которые заменяются символами и обрывками фраз. Литературный язык Пушкина составляет 20 тысяч слов, словарь Владимира Даля — 200 тысяч слов, язык нашего современника ограничивается четырьмя тысячами. Язык народа — устный и письменный, это часть его истории, культуры и духовных ценностей. Культурное беспамятство опустошает душу, лишает нас будущего, русскую речь мы должны сберечь и передать будущим поколениям. Надо, чтобы было что сказать!

Пушкин и Лермонтов — родоначальники современного русского литературного языка, высокой его духовной культуры и тонкого вкуса, совершенного поэтического обрамления литературного слова — выработали правила построения литературной речи, освободили язык от витиеватых фраз Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова, Державина, и в то же время — от грубого народного просторечья, сохранив, при этом, суть народного языка, они создали совершенный и богатый литературный язык.

Защиту русской культуры и языка надо считать проявлением патриотизма, творчество Пушкина и Лермонтова — глубоко патриотично, — к слову сказать, патриотизм — исчезнувшее из

нашего лексикона понятие в постсоветский период. Русский патриотизм никак не ущемляет интересы других народов и наций, в нём нет русофобии и насилия: говори, пиши, читай на любом языке, главное, береги свой родной.

От кого надо защищать русский язык? Ответ очевиден — от самих себя. Ведь именно мы помогаем замусориванию русского языка жаргонными, иностранными словами, сокращениями и вольными трактовками. Каким образом? — Своим равнодушием! Когда не научили правильно говорить, писать своих детей, не привили им вкус к литературному языку, не сделали замечание внуку за жаргонное словечко, не подсказали соседскому мальчишке, промолчали на работе. Вот так с годами русский язык деформируется и беднеет.

Кто должен позаботиться о сохранении и возрождении русского языка? Прежде всего — семья, и совершенно осознанно — здесь ребёнок осваивает азы и многообразие литературной речи. Возьмём, к примеру, русские народные сказки. Вот где истоки русской речи! Пушкинский язык невероятно богат, певуч, образен, мелодичен, нравственно выдержан. Сказочный мир умиляют, умиротворяют. В русских сказках, обработанных писателями пушкинской эпохи, нет грубости, насилия, там всегда добро побеждает зло. Не зря психотерапевты рекомендуют детям, нервным и пожилым читать на ночь русские сказки. Но, зачастую, родители уstraняются от этой обязанности, и напрасно, сказка — хороший помощник в воспитании детей. Да и дети не приучены к их чтению, — у них теперь совсем иное мышление, сформированное средствами массовой информации, и не на русской литературе, а на мультистрашилках, фильмах ужасов про чудовищ — героев американской субкультуры. Сравнительно молодая американская культура, не основанная на глубоких исторических корнях, а их просто нет — не сформировалась за двести лет, не в состоянии родить богатый литературный язык. Поэтому американцы пишут и говорят одинаково упрощённым языком условностей. А мы, не задумываясь о последствиях, их перенимаем.

Важным носителем языка является не только семья, но и школа. Ради овладения родного языка школа и создавалась. Но не

только — школа является ещё и носителем нравственных ценностей. Помнится, в нашем детстве школа дарила ученикам хорошие книжки, из которых собиралась домашняя библиотечка. С тех прошлых времён, из глубин первого класса, произрастают в памяти лучшие образцы детской литературы: — «Басни Крылова», «Русские народные сказки», «Серебряное копытце» — сказ Павла Бажова. Такого рода произведения, среди прочего, должны иметь место в воспитании детей. «Тёма и Жучка» Николая Гарина-Михайловского, — удивительно красивым языком автор рассказывает о мальчике Тёме, который не мог оставить в беде любимого пёсика Жучку и полез спасать его в старый, высохший колодец. Мальчик рисковал жизнью ради друга. Рассказ, написанный в самых лучших традициях русского литературного языка, сохраняется в памяти на всю жизнь. Среди школьных подарков — повесть Алексея Николаевича Толстого «Детство Никиты», автор её посвятил своему сыну Никите. Какой понятный, чистый русский язык! И сейчас сердце замирает от радости общения с красивым словом: «Никита вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Сквозь морозные узоры на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звезды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате снежно-белый. С умывальной чашки скользнул зайчик и дрожал на стене. У стола за самоваром сидела матушка в сером теплом платье. Она взяла Никиту за лицо, ясными глазами взглянула в глаза его и поцеловала... А солнце искрилось в двух морозных окошках классной, выманивало: «Пойдем на речку». Широкий двор был весь покрыт сияющим, белым, мягким снегом. Синели на нем глубокие человечьи и частые собачьи следы. Воздух, морозный и тонкий, защипал в носу, иголочками уколол щеки. Каретник, сарай и скотные дворы стояли приземистые, покрытые белыми шапками, будто вросли в снег. Как стеклянные, бежали следы полозьев от дома через весь двор. Никита сбежал с крыльца по хрустящим ступеням...» и т.д.

У читателя рождается образ прекрасной семьи, ребёнка — спокойного, уравновешенного, любящего всё вокруг, открытого миру, любознательного и жизнерадостного. Эта повесть формирует душу юного читателя и рождает самые чистые и светлые

мысли о счастливом детстве. Такая литература прививает любовь к своей семье, к стране, формирует самосознание личности.

Современная школа пытается учить детей правильной речи и знанию языка посредством чтения и обсуждения литературных произведений. Но каких? Русская классическая литература почти изъята из преподавания, от неё остались крохи. Возьмём, к примеру, «Книгу для литературного чтения» для 3 класса и читаем: Папа, скажи, а что такое папа, — спрашивает Варламка. И отец отвечает — папа — это почти тоже самое, что и я, только у него усы длиннее и он ростом повыше..., и продолжается список других сравнений с мифическим папой. И такой бред изучают наши дети! Что может дать подобная литература уму и сердцу? Чем руководствуются составители учебника? Каким образом отбираются образцы литературы для школьных учебников? Безответственность ответственных за учебные программы и учебники работников образовательных ведомств оборачивается невежеством и пустотой в душах детей. Вся надежда на обновление без конца продолжающейся реформы образования, способной вернуть нас к истокам духовности.

Велика роль профессионального учителя, способного наполнить души детей богатством языка. Если не будет активных носителей литературного языка, то он станет мёртвым, — вслед за языком исчезнет с лица земли и русский народ. Но школьная программа по литературе настолько необъятна, что на глубокое изучение и осмысление произведения просто нет времени. Педагог не может слушать, как «мямлит» ученик невыученный урок. И он мужественно берёт на себя всё: и краткий пересказ произведения, и его обсуждение. Из заданного школьниками почти ничего не читают, и потому проговаривать свои мысли вслух многие дети и подростки не умеют, — не хватает словарного запаса. Их не научила ни семья, ни школа. Словарного запаса не хватает, когда нечего сказать! А ведь прежде в мозгу рождается образ обсуждаемого, а потом и речь. Чаще всего такие дети либо молчат, либо общаются между собой на первобытном языке. А придя в институт, удивляются — им приходится обсуждать с преподавателем серьёзные темы, делать

сообщения на семинарах, высказывать свою точку зрения и предлагать пути решения вопроса.

У русского языка есть душа. Богатый язык помогает наслаждаться творениями классиков русской литературы, хорошо понимать эмоции, чувства, настроения друг друга, — литературный образный язык позволяет понять богатство красок и оттенков. О духовном подходе к слову говорит Священное Писание: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе» (Еф. 4,29); «Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12,36). Драгоценность русского языка в том, что он глубокими корнями связан с православной духовной культурой. На этот язык, как на родной, отзываются все славяне мира. Святые просветители Кирилл и Мефодий возглашали, что «Душа не имеет жизни, если словес Божиих не слышит».

Чем сейчас наполнен книжный рынок? Очень мало стоящего. Страну захлестнули тонны убогих «шедевров», активно поддерживаемые издателями. От низкопробного творчества, заполнившего книжные прилавки, стыдно за страну. А чем до недавнего времени нас пичкали ТВ программы? Криминальные программы и фильмы с насилием, многочисленные шоу, рассчитанные на умственно неполноценных людей, бесполезные для духовного развития современного человека. Пустые разговоры героев художественных фильмов, пустые диалоги со слушателями теле и радиопередач. Речь современных ведущих торопливая, скороговоркой, либо программа построена в стиле капустника, понятная только самим участникам, когда одновременно говорят все и всё, что угодно. А ведь когда-то мы наслаждались радиоспектаклями по произведениям Л.Н. Толстого, Достоевского, И. Бунина. Для детей — географические, исторические и литературные программы — образцы русской речи, мы восхищались экранизацией произведений русских классиков. Всё это сейчас сведено к минимуму. Вся надежда на смену мировоззрения россиян.

Возникает вопрос: когда и почему многие СМИ заняли враждебное отношение к русскому языку? — В постсоветский период усилилось неуважение к русской культуре и к русскому народу. С распадом СССР откровенно и неприкрыто ведётся подмена ве-

ками выработанных идеалов и духовных ценностей людей на ценности бездуховные. В массовом сознании нашего народа, в целом — народа совестливого, бесхитростного, сердобольного, доверчивого — посеяна паника. СМИ, которые мало интересуются русской культурой, навязчиво нам вещают, что человек человеку уже не друг и брат, а волк, что материальное благополучие выше духовного, образовательный труд обесценился. Нас призывают жить красиво — по-американски, убеждая, что цель жизни человека — в обогащении. И все юноши теперь видят себя богатыми и крутыми, ничего при этом не умеют делать. А девушки не хотят быть золушками, а видят себя принцессами. Но принцев и принцесс много не бывает. Так на глазах рушатся истинные представления о добре и зле. И люди растеряны, они не знают, каким идеалам служить.

В результате упрощения и искажения русский язык становится всё более плоским, лишается духовной основы. Оплошляется речь, мышление и, как следствие, поведение людей. Жаргон, нецензурная брань и ненормативная лексика звучит на каждом углу, — великий русский учёный и просветитель М.В. Ломоносов называл их погаными, подлыми словами. Подбираются иностранные аналоги русским словам, которые постепенно вытесняются из обращения. В итоге это приводит к обеднению языка, к примитивному мышлению. Прерывается культурная преемственность поколений. В скудном лексиконе молодых людей не хватает словарного запаса, и они не могут полноценно общаться. На смену образному мышлению приходит предметное мышление на самом примитивном уровне. Отсюда непонимание, отчуждённость и неуважение друг к другу властвуют не только между поколениями, но и в среде самой молодёжи, всё это приводит к разобщённости нации. И такое убогое наследство мы передаём будущим поколениям? Вот почему остро стоит необходимость сохранения русской истории, культуры и русского языка, защита и борьба за его чистоту.

Во второй половине XIX века И. С. Тургенев увидел надвигающуюся угрозу языку. В романе «Отцы и дети» устами своего героя Евгения Базарова он встал на защиту родного языка:

«Сколько иностранных ... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны». Как бы ужаснулся великий писатель в XXI веке! Литературный критик В.Г. Белинский отмечал, что «русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен». Жаль, что от него так мало осталось!

Почему же мы всё-таки становимся «Иванами, не помнящими родства?» Властелины мира не гнушаются ничем, чтобы ослабить славянские народы, древнейшие на земле, корнями и традициями вросшие в многовековую историю человечества. Особенно их натиску подвергаются дети и молодёжь, у которых в силу возраста слабый нравственный иммунитет. Чего хотят добиться наши «партнёры»? Разобщённости регионов России и народа в целом, разрыва внутренних связей между отцами и детьми, языковой и культурной отчужденность поколений. Разделяй и властвуй, — главное условие сильных мира сего. Смысл их расчетов понятен: развалить нравственные основы русского народа, вырвать их с корнем и выбить почву из-под ног, разобщить славянские народы, — в итоге — устранить конкурента в борьбе крупных международных корпораций за мировое господство.

Сейчас, когда стали очевидны большие потери в языке и культуре, государство делает попытки восстановления русского языка и литературы. Страна теряется в поисках объединяющей национальной идеи, но пока найти не может. Как писал К.Г. Паустовский: «Истинная любовь к своей стране немислима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к своему языку, — дикарь. Его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа». А ведь это вполне возможно в недалёком будущем, когда общество таких «дикарей» будет общаться на убогом языке чисто информативно и без сожаления разрушит всю многовековую культуру России.

Теперь у русского языка есть свой день рождения, который отмечается 6 июня — в день рождения основоположника русского литературного языка А.С. Пушкина. Принят закон «О государственном языке Российской Федерации». Но как он действует? К сожалению, закон не препятствует каждому из нас калечить язык, как захочется, за исключением сфер государственной

деятельности. В остальных случаях — никаких наказаний, штрафов, цензуры или контроля за соблюдением требований закона нет. Он больше похож на декларацию, чем на документ государственной важности. Этим и пользуются нравственно нечистоплотные люди: закон вроде бы есть, но выполнять его не обязательно.

Русский философ XX века Иван Александрович Ильин увидел в языке «поющую русскую душу, эхо мира, и стон человеческий, и зеркало божественных видений... Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовёт его — его язык».

Давайте посмотрим на ежегодный международный чеховский фестиваль, — вот уж где язык должен достигнуть духовной высоты! Бедный А.П. Чехов! Как хорошо, что он не видит своего изуродованного творчества. На фестивале авторами предлагается своё собственное, как они считают, современное видение произведения. В чём заключается эта современность? Здесь нет Чехова в классическом виде, ни вишнёвого сада, ни персонажей его произведений, ни русской души, ни самобытности, к чему призывал классик литературы. Тут есть опошленная драма, современный танец и экстравагантный балет со сценами — пародиями на любовь, наскоро совершаемых в полёте на канатах.

К счастью, не все театры рассчитывают на убогого зрителя. Да и не все литераторы и журналисты рассчитывают на убогого читателя.

Что государство и мы можем сделать, чтобы не потерять то, что осталось от языка?

1. В стране сохранилось много носителей русского литературного языка, русской культуры. Но страна и её жители о них не знает, потому что, в большинстве своём, у них нет денег на большой тираж своих произведений. Именно таких литераторов и такие издания, входящие в «золотой фонд прессы» за приверженность национальным традициям России, должно всемерно поддерживать государство.

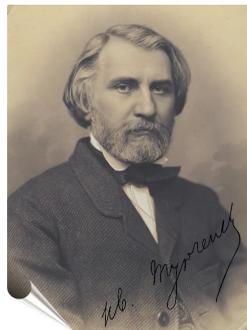
2. В интернете мало публичных обсуждений темы о судьбах русского языка. Нужно использовать широкие ресурсы интернета и вовлечь россиян, а особенно молодёжь, в обсуждение злободневной темы. Все должны понимать, насколько важно охранить язык для будущего страны.

3. Большие возможности в укреплении русского литературного языка есть у Союзов писателей, литераторов, журналистов и других литературных объединений. У многих из них есть доступ к общественным слушаниям, где и надо поднимать жизненно важный вопрос.

4. Каждый из нас на своём месте должен быть на высоте, творить чудеса культуры. Правильная речь всегда обращает на себя внимание, и она будет услышана, грамотное письмо с удовольствием будет прочитано, высоко художественный рассказ, стихотворение или очерк обязательно найдут своего слушателя, читателя. И.С. Тургенев призывал: «Обращайтесь почтительно с могущественным орудием (русским языком), в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!».

К слову вспоминаются пророческие слова Ивана Алексеевича Бунина:

*«Умейте же беречь —
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь».*

5. Очистить русскую культуру от чужеродного мусора, смахнуть пыль с истории и оживить народную память времён и поколений — вот стратегия настоящего ради будущего.

К сожалению, много потеряно в воспитании, образовании молодого поколения. Вот отчего каша в головах школьников, вот почему «Александр Невский утопил фашистов на Куликовом поле».

И всё же — ещё не поздно, и уже много делается. Надо наращивать престиж образования, вернуться к качественному обучению в школах, научить детей отличать истинные ценности от псевдокультуры, понимать историю своей страны, русскую культуру, которая расширяет знания о своей стране и воспитывает патриотические чувства, надо научить их творческому осмыслению будущего.

Как узнать — не потерялись ли мы на столбовой дороге человечества?

— Слабеющие от какофонии земных страстей струны души отлаживают лучшие образцы русской культуры. Так мы обновляем интеллектуальное содержание ума, обогащаем душу, сверяют свои часы. У нас есть ориентир — Пушкин, Лермонтов — столпы русской литературы, это они — скрепы богатырского народного духа, это они стоят на страже чистейших идеалов человечества, это они искупают и исцеляют наш греховный мир, это они на знамёнах наших духовных побед! Это они стоят на защите русского языка и чистого русского слова!

Книга «Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа» — это нерукотворный памятник, реквием созидательному, дерзновенному духу русских гениев!

Путешествие в иллюзорный мир поэтических фантазий

Боже мой, как интересно жить! — восклицаешь всякий раз, проникая в иллюзорный мир поэтических фантазий. И никакие необратимые потери и жизненные разочарования не смогут погасить наслаждение художественными изысками поэта.

Хорошей поэзии немного, но и в этом немногом есть то многое, что приносит радость. Мастер слова, осенённый драгоценной мыслью и мудрым смыслом, радуется каждой удачно написанной строчке.

Сочинитель никогда не бывает одинок, — однажды в сумерках, дуновением горного эфира, к нему явится своенравная искусительница — прелестница Муза, она проникнет в самые потаённые уголки души, пробудит чувства, оживит эмоции. А следом

явятся три одухотворённые подруги: — озарение, интуиция, воображение и усладят Мастера волшебными мелодиями, запахами, звуками, ощущениями. И в этой доброй компании друзей ты мчишься в иллюзорный мир таинственных видений и фантастических образов. Там, в бессознательном потоке грёз, бьют живоносные ключи — истоки творчества, рождающие художественную исповедь творящего. И жизнь служителя муз наполнится сокровенным смыслом.

Что такое поэзия?

Поэзия — это особый способ мышления, особое видение мироздания, несоизмеримое с обыденным.

Поэзия — это искусство особого изречения слова, создающего иную, зачастую иллюзорную, картину микро и макро мира.

Поэзия создаёт художественный образ, рождённый вселенским мышлением под надзором человеческого сознания.

Поэзия — это однажды рождённое, уникальное и неповторимое видение художественного образа.

Поэзия одна, а зарифмованных суждений много.

Поэзия — это фантазия, парадоксальным образом сроднившаяся со словом.

Поэзия — это особое состояние сна и надсознательного бодрствования, рождающих в воображении стихотворца образы, видения.

Абстракция, аллегория, символ, метафора, аллюзия, алогизм, гротеск, ирония, эпитет, олицетворение, сведённые в стих, — это инструменты в работе Мастера слова.

Поэзия зиждется на широкой эрудиции и бескрайнем кругозоре.

Поэзия — это обретение мира — от атома до безмерности.

Поэзия — это магия, облачённая в мантию художественного слова.

Поэзия — это художественная исповедь творящего.

Поэзия — forte Вселенной каноном ложится на piano стиха.

Поэты — оракулы Парнаса, небожители, поцелованные Музой.

Поэт — умеющий абстрагироваться от реального мира и уходить в мир иллюзорных фантазий.

Стихотворение — это космическая музыка, положенная на слово.

Стихотворение — это стихия созидательного творения.

На языке стиха и музыки Вселенная говорит с человеком.

Можешь не писать стихов — не пиши

Александр Васильевич Суворов, генералиссимус, полководец, стихов не писал — некогда, но чувствовал и понимал гармонию, красоту, мелодию поэтического слога и высшее его предназначение. Однажды он сказал своему родственнику: — «Митя, ведь ты же хороший человек. Не пиши стихов. А уж коли не можешь не писать, то, ради Бога, не печатай». Это было сказано мужу племянницы Дмитрию Хвостову, который написал семь томов стихов, трижды их переиздавал и сам их выкупал...

Отзыв о литературно-музыкальном вечере

«Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа»

*22 февраля 2024 года, библиотека № 140,
р-н Бирюлёво Восточное ЮАО*

В районной библиотеке прошла встреча Натальи Морсовой, — писателя, автора книги «Невольники дерзновенного духа», с жителями района. Вечер посвящён жизни и творчеству юбиляров — 225 лет со дня рождения А.С.Пушкина и 210 лет М.Ю. Лермонтова.

Наталья Евгеньевна Морсова — журналист, историк, кандидат исторических наук, член союза писателей XXI века. Она познакомила гостей с интересными страницами жизни и творчества великих поэтов. Такого обширного материала, неизвестных фактов из личной жизни, отношения к ним в обществе, отзывов писателей, критиков, воспоминаний современников вряд ли можно было почерпнуть из других источников.

Кроме познавательного значения, вызывает удивление и восхищение — какой огромный труд по изучению источников, исследованию материалов проделала Наталья Евгеньевна.

Её рассказ — лекцию сопровождал показ на экране фотографий, иллюстраций к произведениям поэтов, репродукций картин художников. Звучали романсы на стихи Пушкина и Лермонтова, хорошо известные публике.

Всю организационную и техническую часть обеспечила сотрудник библиотеки Елена Валентиновна Привезенцева.

Необходимо отметить, что библиотека №140 ведёт огромную работу и с детьми, и со взрослым населением района Бирюлёво Восточное.

В этой встрече принимали участие члены литературной студии «Свежий взгляд», много лет работающей при данной библиотеке. Члены студии Муштак В.П., Пазельская Н.Г., Павлова О.А. и другие, руководитель Гулдедава П.Г., читали свои стихи и стихи

великих поэтов. Красивым и эмоциональным было выступление Лышковской Е.Г., она презентовала новую книгу Н.Е. Морсовой и прочитала своё стихотворение.

Главным успехом литературно-музыкального вечера можно считать громкие аплодисменты и внимательные, заинтересованные лица публики, благодарственные слова и отзывы.

Спасибо Наталье Евгеньевне, спасибо участникам и зрителям мероприятия.

*Член литературной студии
«Свежий взгляд», поэт, писатель
Наталья Георгиевна Пазельская*

23 февраля 2024 года

Рецензия Ольги Ефимовой на книгу Натальи Морсовой «Пушкин.Лермонов.Невольники дерзновенного духа» опубликована в интернет-ресурсах: «Военно-исторический форум 2», «Проза.ру», «Читальный зал» Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг», в газете «Литературные известия», № 2 за 2024 год, в журнале «Зинзивер» № 1 за 2024 год и др.

Об авторе

России, международного Союза славянских журналистов, Союза писателей XXI века, литературного объединения «Свежий взгляд», кандидат исторических наук, педагог, дипломант отечественных и международных конкурсов в области прозы, публицистики, фотографии. Публикуется в журналах: «Природа и человек. XXI век», «Наш современник», «Охота», «Охота и рыбалка XXI век», «Шпindelъ», «Будь здоров!», «60 лет — не возраст!», «Истина и жизнь», в альманахах: «Страницы семейной славы», «Война проходит через сердце», «Алтарь Отечества», «Друза», «Шарманка», в энциклопедии «Самые красивые места России», в сетевых изданиях: «Военно-исторический форум 2» (ВИФ2) — 235 тысяч читателей, «Сегодня.Ру», «МирТесен», «Русское Общественное Движение «Возрождение. Золотой Век», «Livejournal», «Русь православная», «Институт высокого коммунитаризма», «Русская беседа» и других интернет-платформах. Государственным комитетом лесной промышленности России номинирована на премию отрасли «Журналист года». Дипломант всероссийских и международных конкурсов «Страницы семейной славы», «Русский лад», «Герои Великой Победы», лауреат Артиады народов России и др. Экземпляры книг находятся в Российской национальной государственной библиотеке (РГБ), в музее «Блокады Ленинграда» и др. Награждена медалями: «850 лет Москвы», «Патриот России», «За верное служение отечественной литературе» и др.

СОДЕРЖАНИЕ

О ценности русского слова и любви к Родине..... 3

К читателю..... 7

Александр Пушкин.

В удушающих объятиях гениальности...

Я памятник себе воздвиг..... 14

Пушкин и Глинка. Все бессмертные в небесах... .. 28

Пушкин на карантине..... 43

Сказка ложь, да в ней намёк... .. 50

Мышиная возня у подножья памятника Пушкина..... 56

Михаил Лермонтов. За маской мятежного «Мцыри»

Узник исполинского духа 61

«Моя душа чудесного искала...» 70

Стихи из заточения..... 79

На севере диком... Не одинокая сосна Михаила Лермонтова 84

«Москва, Москва... Люблю тебя как сын, как русский...»..... 88

Над пропастью судьбы..... 99

В защиту русского языка

Из истории русской письменности 110

В защиту русского литературного языка 117

Отзыв о литературно-музыкальном вечере

«Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа»..... 129

Об авторе 131

Handwritten text in Cyrillic script, appearing to be a letter or a journal entry. The text is somewhat faded and partially obscured by the sketches. It includes phrases like "Дорогой мой друг" (Dear friend) and "С любовью" (With love).

Handwritten text at the bottom of the page, including the word "Колыбель" (Cradle) and other Cyrillic characters. The text is partially obscured by the sketches.

Пушкин и Лермонтов, –
непревзойдённое явление в русской
литературе, оба они, избранные
небесами на стремительный,
но прерванный на излёте полёт,
и на заслание, – невольники
испанского духа, заложники
гениальности; гениальность держала их
на сладостном карантике поведенья –
от мух поэтического труда до
всенародной славы – и удушавшие
крепко сжимала в своих
безжалостных объятиях.

